

В. П. ВОЛК-КАРАЧЕВСКИЙ

УБИТЬ ИМПЕРАТРИЦУ ЕКАТЕРИНУ II

ИГРА
СУДЬБЫ

БОЛЬШОЙ ЗАГОВОР

ПРИГОВОРЕННЫЕ ИМПЕРАТОРЫ

Большой заговор. Приговоренные
императоры. Убить императрицу Екатерину II

В. П. Волк-Карачевский

Игра судьбы

«Бутромеев В.В.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Волк-Карачевский В. П.

Игра судьбы / В. П. Волк-Карачевский — «Бутромеев В.В.»,
2020 — (Большой заговор. Приговоренные императоры. Убить
императрицу Екатерину II)

Шестая часть романа-хроники «Большой заговор. Приговоренные императоры. Убить императрицу Екатерину II» описывает исторические события с момента царствования Екатерины II, создания первого масонского государства в Северной Америке и великой масонской революции во Франции до наших дней. В центре повествования – судьбы правителей России и тех государственных деятелей Европы, которые оказались на пути масонов к мировому господству. Все правители России от Екатерины II до Николая II пали жертвами тайных сил, шаг за шагом продвигавшихся к своей цели. Русские императоры были приговорены к смерти, как некогда французские «проклятые короли», поплатившиеся жизнью за разгром ордена тамплиеров, возродившегося во всемирном сообществе франк-масонов. Первые книги посвящены истории убийства императрицы Екатерины II и её фаворита, светлейшего князя Потёмкина, а также королю Франции Людовику XVI и королеве Марии Антуанетте, сложившим головы на эшафоте, и выходу на историческую арену Наполеона Бонапарта, положившего на полях сражений миллионы голов.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© Волк-Карачевский В. П., 2020

© Бутромеев В.В., 2020

Содержание

Предуведомление,	7
I. Из расшифрованных диалогов	10
1. Шведский король Густав III и русский посол разумовский	10
2. Французский маркиз де Шетарди и французский посланник граф де Сегюр	12
3. Так где же все-таки отречение Анны, нужное всем, кто о нем знает и помнит?	15
II. Александр Нелимов и Владимир Дубровский	17
1. Дела прошедших дней	17
2. Что мешает многим провинциалам умчаться в столичный град	20
3. О значении в истории незначительных событий	23
4. К вопросу о разном отношении к романтическим разбойникам	25
5. Вдвоем	28
6. Вы сами должны сделать выбор	30
7. Поучительная история замужества Ивлевой	33
8. Поучительная история замужества Ивлевой (продолжение)	35
9. Источник обмана, причина заблуждений	38
10. Исповедь горячего сердца	41
11. Исповедь горячего сердца (продолжение)	44
12. Исповедь горячего сердца (продолжение)	47
13. Цель жизни	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

В. П. Волк-Карачевский

Игра судьбы

© Волк-Карачевский В. П., текст, 2020

© «ТГВБ», перевод, издание, 2020

* * *

*Жану де Лабрюйеру,
прославившемуся знанием разнообразия человеческих характеров
и нравов, а также пониманием тонкостей незыблемых законов
книготорговли, посвящает эту и все последующие книги автор,
преисполненный благодарности и надежд, пусть себе даже и не всегда
оправданных, но тем не менее согревающих душу.*

Теория заговора имеет такое же право на существование, как и все теории, изо всех сил ее опровергающие, но, несмотря на свой всеобщий против нее заговор, так ничего и не сумевшие опровергнуть.

Теория заговора объясняет ход истории человеческой с той же достоверностью, с которой небесная механика известного англичанина Ньютона объясняет движение планет вокруг Солнца. Можно сколько угодно отрицать Ньютона и находить неточности в его формулах, но планеты не прекратят движение по своим орбитам, невзирая на опровержение причин, заставляющих их совершать сие движение, совершенно не обращая внимания ни на самые точные расчеты этих орбит, ни на самые новейшие изыскания всех астрономов со всеми их телескопами.

Из частного письма.

Какой роман моя жизнь!

Слова, приписываемые Наполеону Бонапарту, которые вполне могли бы сказать и императрица Екатерина II Алексеевна, и светлейший князь Потемкин, и поэт Гавриил Державин, и поэты Шиллер и Гёте, а также знаменитые проходимцы: граф Мирабо, Талейран, наивный Лафайет, дочь банкира Неккера мадам де Сталь, сам господин Неккер, так удачно погревший руки на развале королевской Франции, господа парламентские ораторы, не дававшие спуску друг другу Питт и Фокс, князь Репнин, граф Румянцев вместе с сыновьями, стар и млад семейства Разумовских, граф, князь и канцлер Безбородко, в конце концов достигший всего, но не того, чего больше всего хотелось, император Павел I и его сын Александр, художник Гойя, вездесущий Бомарше, король Людовик XVI, его супруга Мария Антуанетта и, конечно же, Катенька Нелимова, милая автору непосредственностью и бесхитростной живостью желаний восторженного сердца. Как, впрочем, и многие другие персонажи, оставившие свои имена на потрепанных временем страницах истории, беспристрастно изложенной в настоящем сочинении.

Предуведомление, в котором автор неторопливо размышляет об Истории и о своих задачах, из этих размышлений вытекающих

В конце известного пылкостью чувств и склонностью к просвещению и так любимого мною XVIII века в России и в странах, от нее значительно удаленных, произошли события, вызвавшие последствия, которые ни много ни мало изменили мир: карта Европы украсилась названиями новых государств, вместо бабшмаков с серебряными пряжками мужчины стали носить совсем другую обувь, женщины забросили шляпки, напоминающие чепчики, и надели на свои прелестные головки нечто совсем не похожее на то, чем они раньше надеялись привлечь нескромные взоры. Ну а никогда не дремлющие историки торопливо вписали в свои книги множество новых имен; часть же имен, раньше не сходявших с кончиков их остро отточенных перьев, остались только в книгах, написанных до всех этих событий, а если и упоминались теперь, то все реже и реже.

А уж как перепутались жизненные пути простых людей, чьи имена не внесены ни в какие книги, кроме метрических, людей, никому не известных, но дорогих родным и близким, включая иногда и добрых соседей. Многие романтические девушки не дождались своих возлюбленных и вышли замуж совсем не за тех, о ком мечтали на заре туманной и полной неясных надежд юности; некогда состоятельные господа обеднели, иные и вовсе разорились, а один подававший надежды стихотворец спился и умер в изъеденной мышами неизвестности, не удостоившись бронзовых бюстов на шумных площадях столицы и мраморных изваяний в тихих залах библиотек. Так порой случается раз в три-четыре столетия, а то и чаще. Мир меняется.

И если ты, мой не лишенный любопытства читатель, запасешься терпением и усердием и, одолевая страницу за страницей настоящего сочинения, проследишь ход этих событий в их стремительном развитии, то увидишь чудесную картину, – ее по примеру одного легкомысленного француза, ко всему еще наделенного поистине африканским темпераментом, я хочу повесить на надежный гвоздь Истории.

Что есть история? Некоторые считают, и весьма упорно, что это взаимосвязь причин и следствий, вытекающих из строгих и неизблемых законов. И не только считают, но и излагают свое мнение, часто очень пространно, с многими подробностями, и весьма успешно – в том смысле, что находятся издатели, которые печатают их труды (именно труды, но никак не сочинения), и благодаря тому, что труды эти многотомны, а тома внушают уважение весом и толщиной, ими, этими томами, удобно заполнять полки библиотек.

И уже другие, следующие в порядке очереди историки, напрочь лишенные французского легкомыслия и тем более африканского темперамента, снимают покрытые пылью фоллианты с полок, изо всех сил ворошат страницы, анализируют факты, сопоставляют цифры и делают совершенно новые выводы и неопровержимые, даже парадоксальные заключения. И все это движется подобно священной реке, суровым торжественным потоком, застывая в неизблемых гранитных берегах триумфальных арок, парадных порталов и заново отштукатуренных фасадов.

Что касается меня, то я, мой снисходительный и благожелательный читатель, скромно держусь в сторонке от этого неумолимого в своей величавой вечности потока.

Волей-неволей мне пришлось прочесть так много томов исторических трудов, что изложенные в них факты я по большей части уже забыл, а цифры, по свойственной мне беспечности, безнадежно перепутал. Волей, потому что читал я их, в общем-то, по своей охоте, подталкиваемый природным любопытством, приобретенным по ходу продвижения от счастливого и беззаботного младенчества к наивному детству, а от детства к непоседливой

юности и зрелым летам, достигнув коих я обнаружил несметные и всевозрастающие запасы этого самого любопытства, требовавшего ответов на множество вопросов, – ответы на многие из них мне удалось найти сначала с помощью милых и беззаботных девушек, а потом догадливых и, что очень важно, предусмотрительных женщин. Но часть вопросов оставались без ответов, и ответы на них я доверчиво понадеялся отыскать в толстых книгах, по скупости, свойственной издателям, обычно не снабженных картинками, хотя иногда в них попадались гравюры и гравированные же портреты.

Ну а невольно, потому что перелистывать сотни и тысячи страниц приходилось себя заставляя: уж больно было скучно. И тем не менее, благодаря усердию (к которому призываю и тебя, мой неустанно ищущий высоких истин читатель), перелистав множество исторических трудов, я обнаружил, что факты и цифры и даже глубокомысленные выводы совсем не есть История, а только всего лишь одежды Истории, часто строгие, сверкающие и блестящие и даже расшитые золотыми галунами, как ливреи важных лакеев, иногда подызносившиеся и лоснящиеся в некоторых местах от долгого употребления, а иной раз это и просто лохмотья, ветхие и сверкающие не золотом и серебром, а зияющими дырами, порой гордо выставляемыми на всеобщее обозрение по примеру Антисфена, одного из не очень известных учеников прославленного древнегреческого философа Сократа, наставника знаменитого Диогена. А вот под этими одеждами и скрыто главное, суть и сущность Истории. Что же это? Интрига, интрига и еще раз интрига, догадливый мой читатель.

Слово интрига, как и всякое достойное уважения слово, происходит из древнегреческого языка и в точном переводе значит «пружина», точнее – «опасная пружина» и еще точнее – «опасно сжимаемая пружина».

Сжимают ее люди, которым избыток желаний и все того же любопытства вкупе с обычной непоседливостью и еще кое-какими качествами и чертами характера не дают вести размеренно-обыденную жизнь в привычных делах и заботах, и потому-то они и сжимают и закручивают ее, эту пружину, до тех пор, пока она не разожмется и не подбросит вверх тормашками всех, кто сжимал ее, вместе с теми, кто мирно вращался в кругу спокойной жизни и ни во что не совал своего носа.

Вот тогда-то и меняется мир, со всеми его странами, башимаками и шляпками. А люди, нарядившись в новые одежды, опять начинают сжимать все ту же пружину, движимые все теми же желаниями, прихотями и чудачествами, которые сплетаются в цепочки, тянущиеся из прошлого в будущее, завязываются мелкими узелками, а время от времени затягиваются в сложнейший узел, и его потом приходится развязывать, распутывать, а то и рубить мечом, как это сделал однажды нетерпеливый царь македонян Александр, благо меч у него всегда был под рукой, а решимости ему было не занимать.

Читателя, жаждающего скрупулезного разбора фактов и глубокомысленных выводов, я отсылаю к библиотечным полкам, заполненным трудами самых кропотливых историков, среди них преобладают немцы – безусловно, именно им, а не кому-либо еще нужно отдать пальму первенства, когда дело доходит до точности и глубокомыслия, по поводу, к примеру, непонятных, далеких звезд на ночном небе и нравственного закона – а к чтению моего сочинения я приглашаю только любителей интриги.

Интриги, интриги и еще раз интриги, плаща и кинжала, любви и ишаги.

Ибо, как и еще один француз – он хотя и не обладал африканским темпераментом, но тем не менее не стеснялся присущей его соплеменникам легкости и простоты вкусов, – я тоже променял бы любые серьезнейшие исторические труды на разного рода подробности, особенно интимные и потому не вошедшие в официальные отчеты, реляции и манифесты.

Я держусь мнения, что именно они, эти интимные и тайные, а вследствие своей тайности малоизвестные подробности, и есть основа интриги всех событий. А интрига и есть История, что я и продолжу доказывать тебе со следующей страницы, мой доверчивый, а

главное, ленивый читатель: когда-то ты поленился прочесть какого-нибудь Карамзина с Соловьевым в придачу или Лависса и Рамбо, ну так не поленись полистать книгу, которую волею случая ты уже держишь в руках.

І. Из расшифрованных диалогов

1. Шведский король Густав III и русский посол Разумовский

*Хороший замысел требует хорошего исполнения.
Н. Макиавелли.*

Императрица Екатерина II понимала, что все рассказанное ей Соколовичем об убийстве адмирала Грейга – правда. Но она не хотела верить ему и поэтому, движимая внутренним упрямством и какой-то неподвластной разуму силой, не верила ни одному его слову. Как не верила и в то, что миром правят масоны, подчиняя его, этот мир, своей воле, не считаясь ни с королями, ни с императорами и двигая монархами как шахматными фигурками, навсегда снимая с шахматной доски тех, кто пытается действовать по своему собственному уму и желанию вопреки предписанным им ходам.

А тем не менее это сущая правда, и диалоги двух верховных масонов, которые я старательно расшифровываю, чтобы удовлетворить не праздное любопытство читателей, есть самое надежное и неопровержимое тому подтверждение.

Вот они лежат передо мною, эти пожелтевшие от времени листочки бумаги, испещренные непонятными, таинственными значками. Я кладу рядом с ними другой листок – с ключом шифра, и читаю, и даже слышу голоса, доносящиеся из далекого XVIII века.

– Швеция начала войну против России. Но, как и на юге, первоначальный план сорвался из-за нелепой случайности.

– Опять нелепость? Еще один Суворов перебил всех шведов и не дал им захватить Петербург?

– Началось все, как и намечалось. Русский посол Разумовский спровоцировал Густава III.

– Как я понимаю, для этого не требовалось больших усилий. Густав III сам рвался в бой.

– Да. Но ситуация сложилась не простая. Франция, с ее опустевшей казной, не только не подталкивала короля шведов к войне, но делала все возможное, чтобы удержать его. А риксдаг, подкупленный русскими, не давал ему и шагу ступить. Разумовский сделал все очень тонко и даже остроумно. Екатерина II, чтобы помочь Потемкину, решила отправить балтийскую эскадру в Средиземное море и устроить туркам вторую Чесму.

– Я помню. И тоже ведь – почти нелепость. Никто тогда и подумать не мог, что русские корабли хотя бы доплывут до берегов Турции. А они мало того что добрались до Архипелага, так еще и уничтожили турецкий флот. И опять же – по какой-то нелепой случайности.

– Несомненно, Екатерине II сопутствует удача. А сейчас балтийская эскадра лучше организована и вооружена. Поэтому ее ни в коем случае нельзя пропустить в Средиземное море. Ну да после всего, что случилось, несмотря на провал шведского короля, русские корабли уже не покинут Балтийское море.

– Так что же Разумовский?

– Екатерина II начала снаряжать эскадру и даже предложила командование Орлову-Чесменскому, чтобы турки испугались его грозного имени.

– Турки считают, что победу над ними в Чесменской бухте одержал не Орлов, а английские адмиралы.

– Им кажется, что поражение от англичан для них почетнее. На самом деле командовал всей флотилией Орлов, и его заслуга в одержанной победе не малая. А главное, турки в самом деле хорошо знают его. По истории с перстнем...

– Что-то припоминаю... Он хотел перейти на сторону султана?

– Возможно. Его брата, Григория, как раз в то время Панин сумел удалить из спальни императрицы и отстранил от дел. Намеревался ли Орлов сдать туркам русский флот – непонятно. Он случайно захватил корабль, на котором находилась семнадцатилетняя дочь одного из самых влиятельных приближенных султана. Орлов оградил ее от посягательств и приказал доставить в Стамбул к отцу. Вместе с ней он передал турецкому вельможе перстень с портретом Екатерины II и необычайно дорогим алмазом. Этот перстень мог служить залогом для дальнейших связей с турками, так как был подарен императрицей и являлся знаком союза Орловых и Екатерины II. Исчезновение перстня заметили, и Орлову пришлось написать императрице, что он потерял его во время сражения в Чесменской бухте. Екатерина II прислала в ответ такой же перстень взамен утерянного. Это не поправило дальнейшие отношения с Орловыми. К султану Алексей Орлов не переметнулся, но после возвращения в Россию, осыпанный наградами, ушел в почетную отставку. И теперь тоже отказался возглавить эскадру. Орлов остался непримиримым врагом Потемкина и готов на все, чтобы навредить сопернику, похитившему то, что добыли Орловы, совершив когда-то революцию, рискуя собственной головой. Шведский король снаряжение русской эскадры попытался представить как угрозу Швеции, чтобы получить от риксдага разрешение исполнить свои обязанности защитника государства – то есть начать войну против России. Императрица поручила своему послу – Разумовскому официально разъяснить королю, что эскадра назначена не для действий против Швеции, а для войны с Турцией. Разумовский составил обращение к Густаву таким образом, что оно привело молодого монарха в ярость и дало ему возможность показать риксдагу, что королю, а следовательно, и Швеции нанесено оскорбление. Причем Разумовский сделал все так тонко, что Екатерина II, не заметив интриги, поддержала своего посланника.

– И риксдаг дал согласие на войну?

– Нет. Русские деньги интересуют членов риксдага больше, чем задетая честь короля. Тем не менее сложилась двойственная ситуация, и король, воспользовавшись этим, все-таки начал войну – ведь он мечтает о мести за короля Карла XII чуть ли не с пеленок. Чтобы придать большую видимость законности своим действиям, Густав III нарядил русскими казаками отряд верных сподвижников и они сожгли приграничную финскую деревушку. Этот спектакль только испортил дело, маскарад оказался слишком очевидным. Правда, план кампании сорвался по другой причине.

– По какой?

– Замысел Густава III, несомненно, был хорош. Все русские войска на юге. Петербург не защищен. От возмечтавшего о славе великого полководца, Густава III, требовалось только одно – уничтожить русскую эскадру, не выпустить ее из Балтийского моря. И потом делай что хочешь: нападай на Петербург, отнимай земли, завоеванные царем Петром I. Это, конечно, не повергло бы Россию, но хлопот Екатерине II доставило бы столько, что она надолго увязла бы в своих делах и ей пришлось бы забыть и о греческом проекте, и об Индии, и она перестала бы совать свой нос в Европу.

2. Французский маркиз де Шетарди и французский посланник граф де Сегюр

Иной раз действуя гусиным пером, можно добиться больше, чем орудия острой шпагой.

А. Ж. дю Плесси Ришелье.

– Но Густаву III оказалось не под силу одолеть русскую эскадру? – продолжил беседу старший масон.

– Да. Русская эскадра в тылу у турок могла бы очень сильно изменить ход событий в пользу Потемкина. Опасение, что Густав III не справится – было. Поэтому надеялись на адмирала Грейга, его Екатерина II назначила командовать эскадрой. Грейг много лет тому назад создал в Петербурге ложу «Нептун». В ней состоят почти все офицеры русского флота. Сам он шотландец, но обстоятельства сложились так, что ложа учреждалась по шведской системе и высшим ее мастером стал брат короля Густава III герцог Карл Зюдерманландский, командующий шведским флотом. Подчиняясь ему как старшему в ложе, Грейг должен был проиграть сражение. А если шведы упустят русскую эскадру, то дать возможность англичанам арестовать ее во время захода в один из их портов. Но Грейг вдруг разгромил шведов и чуть не потопил их флагман вместе с герцогом Зюдерманландским.

– То есть он нарушил масонскую клятву и предал императрице Екатерине II свою ложу?

– Никто из членов ложи не арестован, Грейг не сдал свою ложу. Но, тем не менее, по непонятной причине адмирал Грейг не выполнил приказа старшего по ложе. А поражение шведской эскадры сорвало начало всей военной кампании Густава III.

– Надеюсь, Грейг казнен?

– Конечно, еще в море, на своем корабле офицерами, членами ложи «Нептун»; они выполнили и свой офицерский долг – сражались соответственно присяге, а после боя исполнили и то, что им полагалось сделать по уставу ложи. Но планы Густава III высадить десант и захватить Петербург провалились.

– Измена основателя ложи общему делу – случай неслыханный. . .

– Возможно, это связано с тем, что Грейг, как шотландец, не хотел, чтобы его ложа работала по шведской системе. Или имел личные счеты с герцогом Зюдерманландским.

– Это не оправдывает нарушения священного закона ложи. Масон обязан выполнять волю старшего, к какой бы системе ни принадлежала его ложа.

– Конечно. Однако в низших звеньях между ложами часто возникает настоящая вражда. С этим приходится бороться, но обычно безуспешно.

– Да, я знаю. . . И что теперь со шведской войной против России?

– Я думаю, все еще можно поправить. Главное все же достигнуто – русская эскадра останется в Балтийском море. Второй Чесмы не будет. А без нее и Потемкин надолго застрянет под Очаковым. И даже если возьмет его, то засядет под Измаилом и не продвинется за Дунай. Это значит, можно не беспокоиться за Стамбул. А Густав III, упустив возможность захватить Петербург с моря, может двигаться к нему от финской границы. Его сорокатысячной армии Екатерине II противопоставить нечего. По крайней мере ближайшие два-три месяца. Войска с юга в таком количестве быстро не перебросить. Ее подвело то, что она не принимает всерьез шведского короля, считает его вздорным комедиантом.

– В этом она права.

– Да. Густав III непредсказуем, одержим сумасбродными идеями. Но сорок тысяч на границе, рядом со столицей – Петербургом. . . С этим следовало бы считаться. Женское упрямство оказало Екатерине II плохую услугу.

– Иногда упрямство помогает победить. Особенно если оно, упрямство, отсутствует у соперника.

– У Густава III его нет. Он непостоянен. Но он начал эту войну и ему уже не остается ничего другого, как продолжать. И кстати, еще неизвестно, как поведет себя великий князь Павел. Он тоже член ложи. И если Густав III вместо своих глупых заявлений о скорой победе и обещаний опрокинуть в Неву памятник царю Петру I предложит Павлу восстановить в России законность...

– То есть возвести великого князя Павла на трон, узурпированный его матерью? Это хороший ход. Посланнику Сегюру удалось наладить отношения с великим князем?

– Нет.

– Почему?

– Во-первых, императрица совершенно изолировала сына, и ее люди следят за каждым его шагом.

– То есть урок пошел ей впрок.

– У Екатерины II очень хорошая память и она бдительна, когда дело касается престола.

– Это во-первых. А во-вторых?

– Во-вторых, Павел настроен против Франции. Он, как и его отец, – пруссоман. Но есть еще и в-третьих.

– Что же в-третьих?

– Сегюр. Французский посол – солонный шаркун и лишен авантюрной жилки. Ему не по плечу подвиги маркиза Шетарди.

– Помню Шетарди... Он возвел на трон императрицу Елизавету... И чуть не изменил ход европейской политики... И все благодаря своему неумному характеру... Эта страсть к приключениям его и погубила... Но дел в России он успел натворить немало.

– Сегюру хотя бы десятую часть амбиций блистательного Шетарди.

– А ведь он вместе с Лафайетом воевал в Америке...

– Да, и награжден орденом Цинцината и член ложи. Но только когда король не одобрил экспедицию Лафайета, тот за свой счет снарядил корабль и бежал сражаться за свободу. А Сегюр не посмел нарушить запрета отца и остался дома, а в Америку отправился, когда Франция уже открыто поддержала колонии и вступила в войну против Англии.

– Этот случай объясняет все.

– И место посла в России Сегюр получил благодаря придворным связям своего отца. Сегюр трудолюбив, он хочет показать себя искусным дипломатом. Предел его мечтаний – должность министра иностранных дел Франции. Он не стоит и половины Лафайета. Да, впрочем, и Лафайет – восторженный глупец. Оба они в подметки не годятся Шетарди, тот был способен на любую авантюру и действовал на свой страх и риск. Недаром после провала в России король упрятал отчаянного маркиза за все его сумасбродства в тюрьму. Правда, ненадолго. Такие люди всегда нужны. Что касается Сегюра, то он старателен и жаждет отличиться. Его торговый договор между Францией и Россией – дипломатический успех. Но деятельность Сегюра уже становится вредна. А его идея четвертного союза России, Австрии, Франции и Испании даже опасна. Когда Людовик XVI сложит свою голову на плахе под топором палача, у этих стран будет официальное право вмешаться во внутренние дела Франции. Хватит с нас прямых родственников королевы и короля – императора Иосифа II и испанского короля Карла III.

– Четвертной союз нельзя допустить ни в коем случае. Карл III и Иосиф II ведь на крючке у нашего Маркиза Полномочного Вестника Смерти?

– Да.

– Иосифа II нужно пока оставить... Пусть Австрия поглубже завязнет в турецких делах... А короля Испании снимайте с шахматной доски.

– Я тоже так думал... Он – правнук Людовика XIV и, конечно же, первым придет на помощь Людовику XVI. По матери в его жилах течет кровь итальянских Фарнезе.

– Фарнезе, владетельные князя Пармы, известны распутством, алчностью и мрачной кровожадностью. Карл III не таков.

– Но тем не менее он натура сильная и цельная. Его отец потерял Флориду, Гибралтар и Минорку. Карл III уже вернул Флориду и Минорку и рано или поздно отобьет у англичан Гибралтар.

– Нет. Гибралтар должен остаться у Англии. Это опора для английского флота в Средиземном море. Ему потребуется база поосновательней. Например Корсика... Или Мальта. Но пока хотя бы Гибралтар... Карла III нужно убрать заранее... Его сын, наследник, глуп, а главное, он жалкое ничтожество. Еще более безвольное, чем Людовик XVI. При нем Испания окажется в руках его жены Марии-Луизы Пармской и ее любовника Годоя – а ими можно управлять как угодно. Так что Карла III снимайте с шахматной доски не откладывая. Надеюсь, нашего Маркиза Полномочного Вестника Смерти не нужно для этого отзывать из России?

– Нет. Его люди справятся сами. Они имеют прямой доступ к королевской кухне. Повар короля – человек Маркиза. На короле Испании он хотел опробовать свой новый яд, действующий необычным образом.

– Как же? Все яды вроде бы действуют одинаково... По крайней мере результат один и тот же.

– Результат – да. Но сам процесс и следы воздействия... После этого яда человек остается жив. Но стоит ему слегка простудиться – и простуда уже неизлечима. Она переходит в тяжелое воспаление легких, бывающей ни у кого никаких подозрений.

– Маркиз неистощим. Он – само совершенство в своей области деятельности...

3. Так где же все-таки отречение Анны, нужное всем, кто о нем знает и помнит?

О, если бы этот документ попал к нему в руки! Уж он бы знал, как им распорядиться!

Г. Борн.

– Кстати, Маркиз вступил в отношения с посланником Сегюром.

– Вот как? Интересно. Сегюр, наверное, крепко перетрухнул, увидев перстень Могущего.

Зачем это Маркизу?

– Думаю, причина в том, что Сегюр никак не связан с русскими масонскими ложами. Поэтому Маркиз и решил, не опасаясь быть раскрытым, воспользоваться Сегюром. Он ведь вхож в ближайший круг императрицы Екатерины II. У него можно узнать многое, что не известно даже аббату Фариа.

– Фариа прислал очередной отчет?

– Да. Фариа аккуратен. В своем донесении он, кроме всего прочего, сообщает, что рассказал Маркизу об отречении Анны.

– И что же Маркиз?

– Судя по всему, очень заинтересовался.

– Об успехах Соколовича ничего не известно?

– Ничего. Я все меньше возлагаю надежд на него. К тому же, если Соколович первый найдет отречение Анны, то мы еще не знаем, как он воспользуется им, не исключено, что, получив в свои руки такое сильное оружие, он направит его против нас...

– Маркиз прояснит этот вопрос. И его поиски отречения Анны будут успешнее... Я, видимо, становлюсь стар и скуп... На турецкую и на шведскую войны против России нам приходится тратить все больше золота... Когда-то на это шли деньги из французской казны... А одна бумага с подписью царевны Анны позволит нам достичь желаемого результата без всех этих расходов...

Надеюсь, внимательный читатель помнит, что отречение Анны пока что остается недосягаемым ни для Маркиза Полномочного Вестника Смерти, ни для Соколовича. Оно лежит в кожаном портфеле, хранящемся в маленькой деревушке Каменка, в пяти верстах от имения майора Нелимова, убитого младшим из братьев Соколовичей. Искать его у хозяина Каменки, отставного поручика Петра Петровича Зайцева, никому не придет в голову.

Зайцев, занятый решением непростых вопросов, давным-давно сформулированных Сократом, Диогеном и Платоном и еще десятком их соплеменников, не принимал участия ни в государственных переворотах, ни в дворцовых интригах.

Большую часть своего времени он посвящал созерцанию пламени в очаге, полагая, и, возможно, вполне справедливо, что это пламя имеет ту же природу, что и огонь, то угасающий, то возгорающийся вновь, о котором когда-то говорил Гераклит, но так и не пояснил до конца своей мысли, потому что неустанно оплакивал незавидную судьбу неразумного человечества.

И читатель, конечно же, помнит, что Петр Петрович Зайцев пообещал отдать отречение Анны Александру Нелимову. Зайцев понимал, что Александр молод и горяч, и, заполучив отречение Анны, он не оставит его без дела лежать в кожаном портфеле вдали от столицы Российской империи, города Петербурга, где им, этим отречением, хотят овладеть и братья Соколовичи, и Маркиз Полномочный Вестник Смерти, а уж тем более императрица Екатерина II Алексеевна.

Зная присущую юношеским летам нетерпеливость, Петр Петрович Зайцев не отдал Александру отречение Анны сразу. Чтобы получить заветный документ, Александр должен

попросить об этом три раза, как это делали многие герои, известные читателю из русских народных сказок.

Зайцев надеялся, что, выполняя его условие, Александру придется сначала подумать, а уже потом пускаться в самые головоломные приключения, которых так жаждет молодость, не имея времени да и не желая сообразить, что головоломное приключение потому и называется головоломным, что, участвуя в нем, можно запросто сломать голову, что часто и случается не только с неопытными юношами, но и с умудренными и зрелыми мужчинами.

Александр, чтобы обойти препятствие, поставленное Зайцевым на его пути, решил заглянуть к нему накануне отъезда в Петербург и во второй раз попросить бумагу, открывающую ему путь в лабиринт интриг и ледящих душу тайн.

И когда без отречения Анны будет не обойтись, ему потребуется только домчаться из Петербурга до Твери, а там до Каменки, и он сразу получит в свои руки эту бумагу, лишаящую спокойного сна императрицу Екатерину II Алексеевну и не дающую покоя ее коварным врагам и недругам всех мастей.

II. Александр Нелимов и Владимир Дубровский

1. Дела прошедших дней

Что прошло – не вернуть.

С. А. Есенин.

Как ни торопился Александр Нелимов покинуть родное, но в его девятнадцать лет изрядно надоевшее захолустье, в столицу выбрался он нескоро. Неожиданная смерть Поленьки, племянницы суровой Старухи, княгини Тверской, освободила его от обязательств жениха. Конечно, уход Поленьки в мир иной опечалил Александра, но ненадолго.

Молодость забывчива, легко отдаваясь во власть мелькания календарных дней и просто-душно оживляясь новыми впечатлениями и событиями. К тому же Александр любил Поленьку не страстно и безумно, он не добивался ее руки, преодолевая преграды и превозмогая жестокие обязательства.

Любил ли он ее вообще? Наверное, да, любил, как любят милого соседского ребенка, когда он то и дело забегает к вам в дом, но забывают, когда соседи надолго покидают ваши края.

Что делать, такова жизнь; Александр быстро позабыл ангел-Поленьку. А уж тем более не вспоминал он о недоставшемся ему огромном приданом. Он знал, что княгиня Тверская завещала ему все свои неисчислимые богатства. Ее завещание было своеобразным свадебным подарком. А так как свадьба не состоялась, то, само собой разумеется, он не мог рассчитывать ни на какую долю наследства Старухи – ведь Нелимовы не состояли в родстве с княгиней Тверской.

Старуха умерла спустя несколько месяцев после своей любимицы. Согласно ее заново переписанному завещанию, все свои владения она оставила двум совоспитанницам Поленьки – Александре Лобановой и Аннет Шеншиной. Они приходились княгине троюродными племянницами.

Каждой из них Старуха обещала отписать по деревеньке душ в пятьсот, чтобы бедные сироты не оставались бесприданницами. И вот теперь они нежданно-негаданно стали богатейшими невестами в тверской губернии, а то и во всей России.

Других родственников, кроме двух совоспитанниц Поленьки, у княгини Тверской не было. Если не считать родного племянника, двадцатилетнего Пржебышевского, сына давно покинувшей этот мир непослушной сестры княгини, вышедшей замуж за польского то ли графа, то ли князя, скорее всего самолично присвоившего титул; это подозревали потому, что, представляясь, он называл себя то графом, то, по забывчивости князем.

Отец юноши после смерти жены, наследство которой он успел промотать до полушки, скрылся во Франции, переправляя в это, союзное Польше, государство обозы с солью. Деньги, вырученные от продажи соли, предназначались на покупку оружия для польских конфедератов, мечтавших воевать против России за свободу своего славного, но несколько беспокойного отечества.

Однако следы то ли графа, то ли князя Пржебышевского затерялись где-то в Париже, а деньги, вырученные за соль, рассеялись в галереях Пале-Рояля, уже принадлежавшего герцогу Филиппу Орлеанскому, твердо решившему добиться под руководством мадам Жанлис королевской короны, а пока, суть да дело, сдававшему знаменитый некогда королевский дворец, построенный кардиналом Ришелье, под игорные дома и притоны сутенеров, всегда готовых в первую очередь оказывать герцегу, за его благосклонность, свои услуги, что в Париже значит очень много.

Молодой Пржебышевский числился в гвардии и с довольно слабым успехом пытался в долг прожить наследство сказочно богатой тетушки, не вылезавшей из своей дремучей тверской глухомани. Княгиня Тверская более чем невзлюбила своего племянника и не раз говорила, что не оставит «жидконогую полячишке» ни копейки.

Угрозы доходили до Пржебышевского, но, обладая легким характером, он не верил словам Старухи, да и не помнил о них, занятый веселыми попойками и сражениями за зеленым столом, обычно неудачными, но оставляющими неистребимую надежду на успех в следующий раз. Однако кредиторы, люди опытные и обладающие тонким чутьем, все больше сторонились мнимого наследника княгини Тверской.

Как раз в то время Илье Ильичу Толстому, тайному подельнику князя Карла Долгорукова, пришла в голову хитроумная идея – обыграть Пржебышевского в долг на миллион рублей, а потом, после смерти княгини Тверской, отсудить эти деньги у предполагаемой наследницы княгини – Поленьки, невесты Александра Нелимова.

Карл Долгоруков, известный тем, что умел с помощью нечистой силы превращать в золото олово и другие металлы, на самом деле только-только приблизился к успеху в этом заманчивом деле, волновавшем тогда умы многих ученых мужей, прославивших потом европейскую науку, как, например, Исаак Ньютон, открывший закон всемирного тяготения в минуту отдыха во фруктовом саду от своих алхимических занятий.

На самом деле деньги для продолжения своих опытов по созданию «мечтательного золота» Долгоруков добывал не в лаборатории, а в своем полуподпольном игорном салоне; его посещали только самые солидные и уважаемые люди, потому что вход в этот салон был заказан всем мастерам, умевшим одним движением руки делать из червовой семерки шестерку путем втирания очков или тому подобных манипуляций с порошковыми картами, рискуя за это получить подсвечником по голове.

Так что часть наследства княгини Тверской, по мнению Пржебышевского ему причитавшаяся вопреки угрозам самой Старухи, была заранее им проиграна и, согласно долговым распискам, принадлежала уже Толстому (а половина – Карлу Долгорукову) и оставалось только отсудить ее. Но положение изменилось. Незадолго до ухода из этого мира княгиня Тверская переписала завещание на совоспитанниц Поленьки.

Сироты росли в доме Старухи и ни разу не вызвали недовольства могущественной и строгой тетушки – особы, справедливости ради нужно сказать, не капризной и не самодурственной. Но твердой в своих мнениях и не зло, но памятной, и потому в завещании она особо приписала, что числящемуся в силу стечения нелепых обстоятельств и глупейшей игры судеб ее племянником Пржебышевскому она не оставляет в наследство ни гроша, а только совет жениться на какой-нибудь дуре – если таковая найдется – с достаточным состоянием и никогда не брать в руки игральные карты.

Мало того, помня намек Оленьки Зубковой, явившейся на помолвку Александра Нелимова и Поленьки, что, мол, когда Старуха умрет, то ее наследники в силу своей уступчивости не соблюдают устных заветов Старухи и мягкосердечно отнесутся к тем, кого княгиня жестоко порицала, она черным по белому написала в завещании, что запрещает своим наследникам что-либо выделять Пржебышевскому.

Все это осложняло исполнение плана оттянуть в пользу неудачливого и нелюбимого тетушкой племянника часть уже проигранного им Толстому (и Карлу Долгорукову) наследства. Осложняло, но не отменяло, так как у Толстого имелся человек, большой искусник решать в судах задачи и посложнее.

Но об этом я расскажу чуть попозже и несколько косвенно, потому что мне необходимо описать события более важные и значимые в жизни моих главных героев, в первую очередь Александра Нелимова. Хотя все авантюры Ильи Ильича Толстого и волей-неволей связанного с ним Карла Долгорукова окажут очень важное влияние на события, участником которых Алек-

сандру придется стать в силу того, что он замечательно владеет шпагой, любим многими девицами, мечтает о высоких и возвышенных целях и готов сражаться за истину, несмотря на то, что, как и все знаменитые и мудрые философы, посетившие до него эту грешную землю, хорошенько еще не знает, в чем она, то есть истина, заключается.

2. Что мешает многим провинциалам умчаться в столичный град

Край ты мой заброшенный.
С. А. Есенин.

Однако вернемся все-таки к Александру Нелимову. После смерти Поленьки ничто не удерживало его в родных пенатах, а смерть отца – точнее, его убийство – то есть необходимость найти убийцу и рассчитаться с ним, а также то, что он, Александр, почти заполучил в свои руки отречение Анны и теперь мог колебать троны, толкали его в Петербург, ибо город этот был столицей Российской империи, а только в столицах и вершатся великие дела людьми, обычно приезжающими из далекой глухой провинции.

И Александр давно бы уже умчался в стольный град, воздвигнутый царем Петром I на дубовых сваях среди некогда унылых болот, зато впоследствии воспетый многими поэтами. Удерживало его то, что мешает очень многим провинциалам направить свои стопы в шумную столицу: отсутствие денег.

Имение Нелимовых – Заполье было совершенно разоренным и заброшенным. Но на самом деле так только казалось на первый, поверхностный взгляд.

Как и всякое имение в те времена, оно состояло из двух частей – барской и крестьянской. Барское хозяйство в самом деле находилось в полном упадке. Когда-то давным-давно майор Нелимов случайно поймал своего управляющего на воровстве и выгнал из Заполья. Присматривать за барскими землями майор поручил деревенскому старосте.

Староста вроде бы не воровал. Это был неказистый, кривобокий завистливый и ни к чему не пригодный мужичонка, охочий до чужих баб, однако не пользовавшийся у них успехом. Звали его Аким Серый. Серый – считалось то ли прозвищем, то ли фамилией. Собственная его жена нарожала ему десятка полтора детей – ни один из них не прожил больше пяти лет, и неудачливые супруги коротали свой век одиноко, в полуразвалившейся избенке, презираемые всеми односельчанами.

В старостах Аким ходил благодаря тому, что он обладал особым талантом наушничать, ссорить между собой людей и умению доказывать свою правоту так надоедливо и упорно, что никто не мог противостоять ему в словесных спорах.

Аким и барское хозяйство, и свое собственное довел до полного развала, при этом обвинить его в бездеятельности или неспособности, а тем более заподозрить в воровстве не представлялось возможным. Что касается воровства, то он, конечно, воровал, но такую малость, что не стоит и говорить.

С полсотни заповенских крестьян подались в бега. Оставшихся можно было разделить на три части. Одна, довольно большая часть, в силу лени оправдываемой беспробудным пьянством, прозябала в ужасающей нищете. Другая – больше половины дворов некогда цветущего села – кое-как сводила концы с концами, то перебиваясь по весне впроголодь, то по праздникам сытно и весело.

И десятка три семейств жили по-настоящему богато и, не отличаясь глупостью, не выставляли своего достатка напоказ. Как и советовал французский король Генрих IV, они имели каждый день к обеду курицу в горшке со щами, на Пасху ходили в церковь в сапогах, держали по пять-шесть коров, двух-трех справных лошадей, обитали в хороших, в чистый угол срубленных избах. Жены их рожали по десятку крепких телом и умом детишек – работающих помощников, что ребят, что девок, а в запечках у них сидели столетние старцы, слову которых перечить никто не имел привычки.

Мужики этих семейств, иногда случайно оказавшись вместе, поговаривали, что пора бы потолковать с барином, потому как иной раз и стыдно перед заезжими-проезжими людьми. Старосту надо бы с должности уволить, сильно пьющих определить в рекруты, ленивых посесть – смотришь, село бы и не выглядело развалюхой. Однако, потолковав, всегда приходили к мысли, что мужику указывать барину не с руки, и как там дальше пойдут дела, покажет время.

К одному из таких мужиков, Егору Медведеву, по прозвищу Топтун, Александр обратился за помощью, когда после убийства майора Нелимова потребовалось доставить письмо в Петербург Катеньке Нелимовой, причем так, чтобы оно не попало в руки тем, кто по приказанию императрицы Екатерины II следил за малым двором великого князя Павла Петровича, где Катенька состояла фрейлиной.

Александр послал в Петербург Егора Топтуна потому, что раньше тому приходилось жить в Твери и в Москве, да и человек он был надежный, и силы за десятерых. И Егор исполнил поручение барина. Правда, люди Иоганна Манштейна, который, выполняя заказ Оленьки Зубковой, контролировал каждый шаг Александра, с третьего раза усыпили Топтуна лошадиной порцией снотворного зелья, сняли с письма список и доставили Оленьке.

Но это нельзя поставить Егору в вину – люди Манштейна, как он сам говорил, могли перехитрить стражу всех королей, вместе взятых. А главное, Александр опасался не Оленьки, а императрицы и масонов, а им в руки письмо как раз и не попало.

Когда Егор Топтун вернулся из Петербурга, Александр поговорил с ним и о хозяйстве и решил определить его старостой и управляющим в имении.

Два года назад жена Егора Топтуна, Анисья – ее в деревне считали ведьмой – уловила молодого барина в свои женские сети, и теперь Александр чувствовал вину перед ее мужем, ведь тот служил ему преданно и верно и обещал взять на свои плечи заботы о хозяйстве не из желания выслужиться перед барином или, пользуясь случаем, приворовывать, а потому, что барину нужно исполнять цареву службу, тем более что уже и война началась – поганные турки опять поднялись на православных.

Слава Богу, и Анисья, потерявшая сначала голову, нашла силы взяться за ум, как ни мало его в бабьей голове, да и Александр тоже зарекся от греха. Правда, четырнадцатилетняя дочь Анисьи, грациозная и пугливая Фенюшка, вдруг лишилась сна и покоя и поняла, что ей жизнь не в жизнь без молодого барина. Но тут уж Александр держался настороже и не поддавался чувствам, которые могут заставить забыть и об отречении Анны, и о шатающихся тронах, и о масонах всех мастей. По крайней мере на время.

Правда, сменить старосту оказалось не так просто. Аким Серый давно приметил, что молодой барин не крут характером, а потому, узнав о своей отставке, явился в имение и попытался разжалобить Александра. Бессвязный рассказ о многолетней службе и старых выдуманных заслугах, неурожайных годах и злых наветах сельчан и прочее вранье не вызывал веры, но был так надоедлив и утомителен, что Александр согласился оставить Акима при должности.

Когда через день об этом узнали в деревне, мужики, а больше бабы, собрались у жалкой избенки Акима и потребовали ответ за вранье молодому барину. Аким, опытный в такого рода словесных перепалках, возможно, и выкрутился бы. Но на свою беду он неосторожно задел солдатку Авдотью, заметив ей, что чья бы корова мычала, а ее бы молчала, уж, мол, кто-кто, а она поимела с Акима.

Авдотья, не мало потерпевшая от посягательств Акима, никогда толком не оправдывавших женских надежд, услышав такое от пакостника, не спустила такой наглости, схватила греховодника за оставшиеся у него на затылке волосенки и поволокла по улице с криком: «Ташите его к барину». Тут же явились помощники и вскоре Акима привели на барский двор, награждая при малейшей возможности пинками, тумаками и весьма чувствительными толчками под ребра.

День для Акима выдался неудачный. Александра не оказалось дома, и суд взялся вершить его верный слуга Тришка. Он, после смерти майора Нелимова, уже успел почувствовать себя фаворитом молодого барина и считал, что для укрепления своего авторитета допускать послабления нельзя и что строгость – первейшее дело.

К тому же Тришка, в отличие от Александра, хорошо знал настроение заповенцев и их нужды и чаяния. Поэтому он, пользуясь отсутствием барина, распорядился высечь Акима, отпустив ему для начала пятьдесят розг.

Вышла небольшая заминка – розг в запасе не оказалось, заготовка их требовала времени, а откладывать процедуру никто не захотел. Тришка тоже руководствовался известной пословицей «отклад не идет на лад» и заменил пятьдесят розг двадцатью «горячими» – то есть ударами обыкновенной плетью. Инструмент тут же сыскали, Акима препроводили на конюшню и сразу же нашлись желающие толково и умело исполнить приговор.

Получив двадцать ударов плетью, Аким попытался опять доказывать свою правоту, и Тришка тут же назначил ему еще двадцать пять «горячих». После них Аким повинулся, объявил, что в своей неразумной гордыне дерзнул не внять гласу мира, то есть крестьянской общины, как пояснил бы значение этого слова В. И. Даль, знаток живой разговорной крестьянской речи.

На следующий день Аким явился в барскую усадьбу. Спина, заботливо смазанная гусиным салом, не давала ему забыть наставление односельчан. Поэтому Аким, в силу привычки говорить пространно и убедительно, разъяснил барину, что невзирая на свои многочисленные старые заслуги, многолетний опыт и знания крестьянского многотрудного ремесла, он, много подумав, пришел к мысли, что не гоже противиться мнению мира, потому как мир велик, а он, Аким, в сравнении с ним малейшая, можно сказать, ничтожная букашка, муравей, и мал, яко соринка в оке Господа, и, в силу всего сказанного, слагает с себя обязанности старосты.

Не без труда выпроводив восвояси не умолкавшего ни на минуту Акима, Александр записал выражение «мал, яко соринка в оке Господа», чтобы при случае передать этот словесный перл барону Дельвигу как мысль для очередной элегии, стихотворения, как известно, наполненного грустью и даже скорбью по поводу нашего незавидного удела в этом неизмеримо огромном мире, поражающем иногда ум человеческий своими необъятными просторами, состояниями, течением времени и прочими величинами.

На этом наведение порядка в хозяйстве имения успешно завершилось. И хотя порядок действительно восстановился, но результат в денежном исчислении от этого последует не скоро, так как доходы от ведения земледелия привязаны ко временам года и заметны только по осени.

Поэтому Егор Медведев одолжил барину семьсот рублей, чтобы он мог справиться и мундир и все прочее, что ему потребуется в столице на царевой воинской службе. Деньги эти Егор должен был вернуть себе из доходов от барского хозяйства, которое ему полагалось сделать не убыточным, а достаточным, что, по мнению управляющего и старосты, требовало только времени, хорошей урожайной погоды и строгого присмотра.

Ну, а Александру тем временем полагалось верно служить царю-батюшке, или, как теперь стало – матушке императрице.

3. О значении в истории незначительных событий

Что в имени тебе моем?

А. С. Пушкин.

Прежде чем выпроводить своего, если не главного, то любимого героя из родного поместья в столицу, где его ожидают самые невероятные приключения, честные поединки, коварные засады и самые нежные свидания, я должен рассказать о кое-каких событиях и обстоятельствах, потому что они впоследствии неожиданно окажут серьезное влияние не только на судьбу Александра Нелимова, о котором пока еще мало кто знает, кроме автора, беспристрастных читателей и пристрастных читательниц, но и на траекторию жизненных путей особ знаменитых, хорошо известных кропотливым и скрупулезным историкам, персон, игравших в то время самые первые роли в действе без афиш и предварительной продажи абонементов и раздачи контрамарок, представленном на исторической сцене в конце XVIII века.

Порой невольно задумаешься, как событие, случившееся где-то в глуши, в удалении от шума столиц, пусть себе и значимое для обитателей полузабытого имения или скромной одинокой деревеньки, робко приютившейся на крутом берегу маленькой речушки или спрятавшейся от выюг и стылых осенних ветров за косогором, пусть, может, даже представляющее по сути своей, на зависть всем Шекспирам мира, самую необычную интригу, проливающую свет на доселе скрытые извивы и проявления души человеческой, как оно, это событие, может аукнуться, например, в Санкт-Петербурге и как ему быть услышанным, замеченным в пестром мельтешении дней и сумасшедшей суматохе этого славного града на берегах реки Невы?

Она и сама-то, эта река, иной раз течет вспять, причем неизвестно, когда она выкинет какой фокус в очередной раз и до какой отметки над ординаром поднимутся ее беспокойные воды, и впечатлят ли они кого-либо из поэтов на бессмертные строки, и задумается ли кто-нибудь из них еще раз о нашей жизни, полной не самых приятных неожиданностей и подчас лишенной всякого смысла и надежд даже в столичном граде, а уж в глуши какой-нибудь провинции, откуда не докричаться обиженному местным небольшим, но зато непреодолимым в своем полномочии начальством, не найти ни справедливого суда, ни правды у покумившихся лихоимцев, а то и просто жуликов, а уж о милосердии и не стоит вспоминать, и где даже первая уездная красавица обречена увядать и чахнуть в одиночестве, вместо того чтобы блистать на балах и сводить с ума пылких, стройных юношей в гусарских мундирах и даже седеющих храбрых и еще вполне решительных вдовцов в генеральских эполетах.

И как какое-нибудь событие, рожденное прихотями людей малозаметных и страстями порой не сказать чтобы возвышенными, может отразиться на жизни императрицы Екатерины II Алексеевны или самого светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, коему уже предначертано стать Потемкиным-Цареградским или Константинопольским, а то и Балканским?

Казалось бы, никак. Ан нет. Оказывается, что не только шпора, сломанная неловким курьером о ступеньку парадной лестницы королевского дворца, как поведал о том миру А. Дюма, может послужить причиной гибели великой державы и смены целых эпох.

Всяческие неожиданные перемены в государстве и судьбах великих деятелей, неутомимо стоящих у руля его и бдительно охраняющих сей почти магический штурвал от всех, кто хочет повернуть его в другую сторону и сменить проложенный смелым шкипером курс среди волн, пенящихся у опасных рифов, могут иной раз случиться и от совсем незначительных происшествий – курица по недосмотру забредет в чужой огород, или неосторожное слово сорвется с языка глупого холопа, или ни разу еще не влюблявшийся поручик увидит, как вдруг в тени липовой аллеи мелькнет легкий девичий силуэт в белом летнем платье и бедняга забудет,

зачем и куда он шел и что намеревался предпринять, движимый внезапным гневом пылкого и неопытного сердца.

И события эти последуют одно за другим, не к добру сцепляясь в неразрывные цепочки, тянущиеся неведомо куда. Нелепая, казалось бы, случайность – шальной, одурелый заяц метнулся под ноги лошадям, а ведь это нехороший знак, и кучер растерялся, и лошади перепугались и понесли, неистово забрасывая головы, храпя и исходя пеной, и вот уже державная колесница сбилась с наезженной колеи и помчалась по бездорожью, буеракам, рытвинам и вертипежинам, по дикому полю, и вот уже и тучи совсем закрыли солнце на небе и не видно ни зги и только слышно, как черти воют в бурьянах, и уже трещат оси, и впереди то ли кручи и косягоры, то ли страшная пропасть, бездонь, страшно и заглянуть в нее...

А началось все вроде бы с мелочи, с той самой соринки, попавшей в око Господу, большая беда может произойти от нелепой соринки, попади она прямо в глаз.

А тут еще какому-нибудь неудавшемуся ни ростом, ни фигурой артиллерийскому лейтенантику в мешковатом казенном мундире – он, этот лейтенант, и с виду не бравый молодец, и танцевать не умеет, и в седле сидит неловко, и шпагу в руке держит, как кухарка кочергу – но вот ему счастливый случай: командиру батареи оторвало голову и лейтенантик теперь сам рассчитывает угол наклона орудий по строгим формулам, прилежно усвоенным в математическом классе, где он единственно и блистал в отличие от своих более ловких и стройных сверстников, по весне думавших совсем не о теоремах Пифагора и постулатах Евклида...

Ну, тут уж жди – ни много ни мало крушения империй, мировых пожаров и разбитых надежд миловидной невесты, так и не дождавшейся своего юного жениха, клявшегося ей в вечной любви, но сложившего украшенную русыми кудрями голову в штыковой атаке под деревней с нелепым названием Клеттемонд – не ищи, любопытный читатель, этого слова в самых дотошных военных энциклопедиях и многотомных трудах по военному искусству; под Клеттемондом brave генералы и важные маршалы не положили сотни тысяч французов и немцев или австрийцев, проткнутых пиками, шпагами, порубанных саблями и исеченных в крошево беспощадной свинцовой, а позже чугунной картечью, воющей в полете как две тысячи чертей, которым прищемили хвост.

Пьяный капрал, размахивая палашом, повел за собой десятка два необстрелянных новобранцев на отставших от своей части фуражиров, за что и отсидел потом трое суток под арестом – фуражиров этих оказалось вчетверо больше, чем напавших на них безусых юнцов, и у фуражиров тоже имелись при себе палаша и ружья с гранеными штыками.

Вот и все, чем прославился Клеттемонд. И потому его, Клеттемонд, в отличие от Арколе, Маренго, Аустерлица, Прейсиш-Эйлау, Фридланда, Ваграма, Бородино, Лютцена, Бауцена, Арси-сюр-Об со всеми взорванными мостами и Ватерлоо, так и не занесли ни в одну из книг о великих сражениях, а если бы и занесли, поверь, читатель, это не утешило бы невесту.

Да что там бедная невеста, иной раз и самой императрице не по силам и не по средствам поправить ход дел, споткнувшихся от казалось бы незначительной случайности, а уж ее приближенным и подавно.

4. К вопросу о разном отношении к романтическим разбойникам

Начальник шайки славился умом, отважностью и каким-то великодушием.

А. С. Пушкин.

Но оставлю лирическую, невеселую философию и возвращусь в Заполье. Уезжая вместе с неутешной тетушкой Элизой, барон Дельви́г уговорил Александра Нелимова приютить у себя Владимира Дубровского, местного Ринальдо-Ринальдини, славного разбойника, чуть не похитившего красавицу Машу Троекурову у ее отца-самодура, мешавшего нежно и трепетно любящим молодым сердцам обрести мечтательное счастье.

Машу силой выдали замуж за престарелого англомана князя Верейского. Дубровского, ограбившего несколько десятков богатых имений, хотели арестовать, заковать ему руки-ноги в кандалы и отправить в Сибирь. Она ведь, согласно знаменитой песне, тоже русская страна, однако мало кто по своей воле поселяется в ней на долговременное жительство.

А пострадавшим от разбоя помещикам спешно выделили из казны полмиллиона рублей, чтобы возместить ущерб, нанесенный дерзкими грабежами. Сам небезызвестный Кимрин, ближайший помощник и советник губернатора, поспособствовал в этом деле, несомненно важным для восстановления в губернии тишины и спокойствия, необходимых мирным поселянам для их каждодневных трудов на полях и пастбищах, благодаря которым казна и наполняется потом звонкой монетой до самых краев и ревностно оберегается рачительными и бдительными губернскими чиновниками.

Но храбрый разбойник, к восторгу всех романтических барышень округи, разгромил воинскую команду, высланную для его поимки, и бежал с богатой добычей на Волгу, где ширь и раздолье, а по другим достоверным известиям, скрылся за границу, в чужие земли, опечалив тем самым многих мечтательно настроенных девиц уезда, готовых по тайному призыву тверского Ринальдо-Ринальдини и порыву собственного мятежного сердца последовать за ним хоть в Париж.

А то и за океан, в далекую Америку, где их ждут любовь и свобода в девственных лесах среди не знающих пороков, лжи и тирании благородных дикарей, живущих по законам, предписанным им, несмотря на то, что они еще не знают грамоты, конституций и деклараций, самим Жан Жаком Руссо, прозорливо заботящемся о счастье всего человечества, в минуты просветления своего беспокойного ума так и ищущего случая оказать ему, человечеству, какое-нибудь нечаянное благодеяние.

На самом деле Дубровский был осажден в своей лесной крепости сотней солдат, с боем вырвался из окружения, его товарищи спасались кто как мог, а сам он, оставшись один, едва не погиб в лесу от открывшейся старой раны – князь Верейский разрядил в него свой английский пистолет, когда бывший гвардии поручик незванно-негаданно явился в его имение за своей возлюбленной.

Барон Дельви́г случайно нашел в лесу умирающего Дубровского и выходил его вместе со своей тетушкой Элизой, скрыв все произошедшее от матушки; та, в силу своей исконно немецкой законопослушности, несомненно призвала бы капитан-исправника, и героя заковали бы в железо, не одну сотню лет воспеваемое в заунывных и протяжных песнях каторжан и их временно вольных товарищей, гордо восседающих на горячих, быстрых, как ветер, конях или искусно прячущихся в оврагах у большой проезжей дороги в надежде на неожиданную встречу с неосторожными путниками и проезжими.

Привожу одну из таких песен, любимую самим А. С. Пушкиным и потому часто помещаемую им в своих романах и повестях.

Не шуми, мати зеленая дубравушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати.
Что завтра мне, доброму молодцу, в допрос идти
Перед грозного судью, самого царя.
Еще станет государь-царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобою было товарищей?
Я скажу тебе, надежа православный царь,
Всю правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищ темная ночь.
А второй мой товарищ булатный нож,
А как третий-то товарищ, то мой добрый конь,
А четвертый мой товарищ, то тугой лук,
Что рассыльщики мои, то калены стрелы.
Что возговорит надежа православный царь:
Исполать тебе, детинушка крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной.

В отличие от пылких уездных барышень и поэтически настроенного барона Дельвига, Александр Нелимов не испытывал к Владимиру Дубровскому никаких симпатий. По мнению Александра, то, что гвардейский офицер, поддавшись страстям, опустился до грабежей и разбоев, совсем не украшало его. Но в отличие от матушки своего немецкого друга, Александр не находил в глубинах своей русской души никаких основ для законопослушания.

Укрыть Дубровского Александра просил не кто-то, а Дельвиг, а по просьбе своего самого близкого друга Нелимов и сам нарушил бы любые законы, кроме законов чести, разумеется. Да и события последнего времени – загадочное убийство отца, раскрывшаяся тайна отречения Анны, невероятный, блистательный, необъяснимый взлет Оленьки Зубковой, так впечатлили Александра, что ему было не до приключений провинциального Ринальдо-Ринальдини с кистенем, так поражавшего воображение уездных барышень.

Более всего неприязнь Александра вызывали грабежи – о них рассказывали не меньше, чем о сердечных страданиях романтического героя. Правда, барон Дельвиг уверял Александра, что на самом деле Дубровский никого не грабил. Но Александр отнес эти утверждения на счет поэтического, наивного воображения своего друга. Нелимов сам читал в «Ведомостях» о выделении из губернской казны денег на помощь пострадавшим от нападений Дубровского.

И кроме того... Александр, подсознательно ощущая себя первым женихом уезда, не знающим соперников, испытывал невольное чувство легкой ревности к тому вниманию, которое восторженные девицы уделяли страстному похитителю Маши Троекуровой, так, кстати, и не сумевшему ее похитить.

Уж окажись в его положении сам Александр, он, не пускаясь в грабежи на большой дороге, нашел бы способ увезти красавицу из-под носа самодура отца и дряхлеющего среди своих, устроенных на английский манер, газонов князя Верейского, утащившего юную девицу

как какой-нибудь Кощей Бессмертный, чтобы она захла у него от тоски и скуки среди серебра и злата, потому что в молодости совсем не о серебре и золоте мечтают задумчивые девушки.

5. Вдвоем

Что дружба?

А. С. Пушкин.

Так люди (первый каюсь я)

От делать нечего друзья.

А. С. Пушкин.

Однако дни шли за днями, месяц за месяцем и, живя бок о бок, молодые люди имели возможность узнать друг друга не по случайным рассказам. Совместные трапезы, подобные и пищей и условиями спартанским сисситиям, но только на двоих, случайные разговоры, совпадение мнений, обсуждение ошибок Ганнибала и Гая Мария и особенно вольтижеровка в фехтовании и стрельбе невольно сблизили их.

Нелимов был моложе своего гостя лет на десять. Но Александр лет на пять выглядел старше своих лет, а Дубровский на столько же моложе, поэтому оба казались одногодками. В свое время Дубровский считался лучшим в полку стрелком и фехтовальщиком. В стрельбе он действительно не уступал Александру. Но в фехтовании хозяин превосходил гостя, и тот уважительно и с восхищением признал его первенство.

Нужно заметить, что и Александр Нелимов, и Владимир Дубровский, при всех своих различиях, принадлежали к одной породе, или, как иногда говорят, к одному сорту людей.

Такие люди прямодушны, несуетливы, просты, приветливы, надежны, мужественны и решительны. Они верны в дружбе, на них всегда можно положиться в трудную минуту, они рассудительны, но не занудливы, не скупы и не гоняются за деньгами, но и не сорят ими. Они не верховодят в веселых компаниях, но занимают в таких компаниях достойное место.

Им все всегда рады, их даже любят, несмотря на то, что они никогда ни перед кем не заискивают и не ищут ничьей дружбы или покровительства и, мало того – говорят, что думают, но не выставляют это напоказ. Они никому не завидуют, никого не осуждают и обычно не имеют врагов, а когда таковые у них заводятся, сражаются с ними смело и открыто и умеют их побеждать.

Такие люди редки. Потому мужчины их ценят и уважают. А женщины... Читатель легко догадается, как к таким людям относятся женщины: и неопытные девицы, и дамы, искушенные в сердечных смутах и душевных волнениях, а уж молодые вдовы...

Конечно, Нелимов и Дубровский обладал и чертами, очень заметно отличавшими их друг от друга.

Владимир Дубровский был вспыльчив, как его отец, но, склонный к чувственным размышлениям, он иногда сам доводил себя до такого состояния, что мог совершенно импульсивно совершить любой рискованный поступок, о котором потом приходилось сожалеть. Таким образом, ему, можно сказать, была свойственна некая медленная, подспудно созревающая все та же вспыльчивость и отсутствие дальновидной рассудительности, что как-то странно сочеталось со способностью довольно трезво мыслить в тех случаях, когда дело не касалось его самого.

И кроме того, Дубровский однолюб, в чем читатель убедится впоследствии.

Что же касается Александра Нелимова, то он, при всей своей осторожности и дальновидности, умел не поддаваться философским наваждениям и был Дон Жуаном. Причем донжуанство это, поощряемое обстоятельствами и многими особами, желающими подтвердить сде-

ланное когда-то Александром открытие, что женщина устроена совсем не так, как мужчина, а гораздо интереснее и загадочнее, развивалось и все более и более подчиняло его.

И в отличие от всезнающего читателя я не знаю, считать ли такое развитие положительным или требующим строгого авторского порицания. Признаюсь, я всегда стараюсь угодить женщинам, а ведь они подчас совсем не строги к Дон Жуанам и часто готовы простить их страстность и даже некоторое непостоянство.

Сходные черты и различия сближали Нелимова и Дубровского и требовался только какой-нибудь незначительный случай, подтолкнувший бы этих, поначалу безразличных друг другу молодых людей, к настоящей дружбе.

И такой случай незамедлил представиться.

В один из дней ранней весны, когда солнце, благодаря наклону земной оси к плоскости орбиты, возвратилось в наше северное полушарие и сияло среди животворящих, излучающих синеву небес над ослепительно белыми снегами, скрывающими пашни, и теплым, мягким шафрановым светом наполняло сквозь еще двойные окна гостиную старого заповенского барского дома, Александр Нелимов и Владимир Дубровский быстро покончили со скудным обедом и, не имея надежды на ужин, вспомнили слова воспитателя Александра Македонского, говорившего, что лучшие повара для завтрака – ночной переход, а для обеда – скудный завтрак.

Исходя из этого исторического высказывания, они попытались вывести мысль о том, что отсутствие ужина после скудного обеда даст им возможность выдать своему желудку грядущий завтрак за настоящее пиршество.

Поупражнявшись в этих обнадеживающих силлогизмах, молодые люди принялись сравнивать действия Гая Юлия Цезаря при осаде города Алезии, построенного еще самим Гераклом, в Лугданской Галлии или, точнее, на землях мандубиев, при реках Лутозе и Озере, с попыткой светлейшего князя Потемкина прославиться тем же самым способом под стенами Очакова, воздвигнутого турками на месте знаменитой древнегреческой Ольвии, упоминаемой великим Геродотом, и удобно располагавшегося на берегах Черного моря и Днепровско-бугского лимана, мелководного и потому не доступного линейным кораблям с глубокой посадкой, что мешало турецкому флоту расстроить замыслы Светлейшего.

В гостиную вошел Тришка, слуга Александра, и, сделав большие глаза, как бы предупреждая тем своего хозяина о возможной опасности, доложил:

– Тверская барыня, нынешняя, пожаловали.

Дубровский переглянулся с Александром и поспешил выйти в небольшую соседнюю комнату, отгороженную когда-то от гостиной легкой перегородкой. Дубровский жил в Заполье, не скрываясь ни от дворовых людей, ни от сельчан, на правах приезжего барина, временного гостя. Но когда в Заполье по какому-либо случаю заезжали соседи, Дубровский старался не попадаться им на глаза.

6. Вы сами должны сделать выбор

*Как у молодой-то девушки
Одна заботушка,
Об одном сердце поет,
Об одном головушка болит.*

Русская народная песня.

Едва Тришка успел ретироваться, как в комнату вошла Александра Лобанова, совоспитанница Поленьки, и теперь, вместе с другой такой же совоспитанницей, Аннет Шеншиной, полноправная наследница владений княгини Тверской. Девушка дышала решимостью и отвагой, повторяя про себя краткие слова молитвы, заимствованные у воинов, идущих в штыковую атаку на превосходящего их числом противника и твердо в сердце своем укрепившихся победить или умереть.

Александр усадил гостью за стол и попытался отвлечь девушку извинениями по поводу отсутствия чая и предложением угостить ее прекрасным грушевым взваром. Александре было не до чаепития. Собравшись с духом, она начала свой монолог, заученный ею на память, хотя и с многими пропусками, то и дело сбиваясь, но не теряя смысла и основной канвы.

– Александр, мы с Аннет решили... Так продолжаться далее не может... Вы сами должны сделать выбор... Все зависит от вашего слова... Вы знаете, какие беды обрушились... Как все изменилось... Ангел Поленька... Ведь никто и помыслить не мог... А когда умерла и княгиня... Наше с Аннет положение... Такая перемена... Мы решительно не знаем, что нам делать... Мы совершенно одни... И можем положиться только на вас... Ни мне, ни Аннет и в голову не пришло бы когда-либо сравнить себя с Поленькой... Как и рассчитывать на такое благодеяние и расположение тетушки княгини... Поэтому вы сами должны сделать выбор... И я и Аннет, мы примем его как должное... Ни я, ни Аннет не можем заменить вам Поленьки... Но и оставаться в такой неопределенности свыше наших сил...

Из всего сказанного и из того, что удалось уразуметь из дальнейшего, Александр понял, что он должен сделать выбор между Александрой и Аннет и жениться на одной из наследниц княгини Тверской и выдать замуж другую.

Слова Александры диктовались неумолимой логикой. Наследство княгини Тверской назначалось Поленьке и Александру Нелимову. Поленька умерла, и винить в этом некого. Княгиня Тверская, покинув сей мир, оставила наследство Александре и Аннет – это неожиданно, но а как иначе – ведь они все-таки родственницы княгини. И чтобы все сложилось, как предполагалось, Александру нужно жениться... На Александре и Аннет...

Но жениться сразу на двух девицах, как это заведено у тех же турок, живущих по магометанским законам, возможно, в сущности и не плохим, но среди православных не принятым, нельзя и поэтому Александр должен сделать выбор...

Александра говорила долго, Александр успел вспомнить уроки и наставления княгини Свирской, раскрывшей ему все женские хитрости и уловки, и приготовиться к обороне, но избрал неверный путь.

– Александра, друг мой, – сказал он, – да, все так вдруг переменялось, бедная Поленька, наш брак не состоялся, не наша на то воля. Что же делать... Поправить этого никто не в силах... Но я не стану, да и не должен выбирать ни тебя, ни Аннет... Ведь чтобы жениться – нужно любить...

– Но мы любим вас, и я, и Аннет, да и кто же в вас не влюблен? Разве в нашей округе найдется девица, которая не пошла бы за вас замуж? – простодушно, убежденно ответила Александра.

– Нет, нет, Александра. Это невозможно. Я уезжаю. На войну.

– На войну?! – воскликнула Александра.

– Да.

– А как же мы? Что случится с нами? Мы только на вас и надеялись – и когда Поленька была жива и княгиня, и дворня вся вас своим барином почитает, да и мужики. Как же мы без вас, разве мы сами со всем справимся?

– Справитесь, Александра, справитесь. Дворня у вас вся толковая и мужики самостоятельные. Справитесь. А там и вы, и Аннет выйдете замуж. Вы обе – красавицы, а женихи – найдутся.

– Нам кроме вас никого не надобно. Нет, Александр, вы так нас не оставляйте. Грех вам. Разве не совестно будет? Без вас как же нам быть? – не сдавалась Александра, – имение без хозяина не стоит. А тут и беда подступает.

– Какая беда?

– У нас все беда. Поленька умерла – беда. Княгиню Бог к себе забрал – опять нам беда. А племянник ее, польский, прослышал и примчался, насилу вчера выпроводили. Грозит засудить нас.

– Погоди. Это тот... Пржебышевский, или как его, Прже...

– Именно он. Наследство требует. Я, говорит, родной племянник.

– А княгиня оставила ему что-нибудь?

– Ничего. А он говорит – отсужу.

– Ну вы бы выделили ему деревеньку душ в двести на прожитье.

– Деревеньку. Он говорит, я, мол, все отсужу. Я родной, у меня одних долгов больше миллиона...

– Ого...

– А как же. Весь в папашу своего, каверзника.

– Ты говоришь, по завещанию ему ничего?

– Еще и приписано, чтобы ни я, ни Аннет не смели что-нибудь выделить. А как ослушаться? И если он в суд – кто же нас защитит?

– Раз по завещанию не отписано, то и суд ничего не переменит.

– Он сказал: завещание – это одно, а закон – другое. И суд встанет на сторону ближайшего родственника. А он – родной племянник. И в суде, и в Сенате все ему знакомцы. Как же мы с Аннет без вас?

– Суд волю покойной отменить не может. И Сенат тоже. И я, и Катя не оставим вас. И если вдруг суд поведет дело неправо, Катя прямо обратится к великому князю Павлу Петровичу. Как только приеду в Петербург, я сразу же все расскажу Кате.

– Но вы уезжаете на войну? – припомнила Александра.

– Да, я собираюсь на войну, – запнулся Александр. – Однако сначала мне нужно в Петербург...

– В Петербург? – испуганно повторила Александра, – так неужели это правда... Нет, нет... Скажите, что это неправда!

– Что неправда?

– В Петербург вы едете, потому что... Потому что она приехала тогда на помолвку?

– Кто она? – спросил Александр, хотя сразу же догадался, о ком идет речь.

– Вы в самом деле любите ее? – словно не слыша вопроса, с глазами, наполненными ужасом, почти шепотом, едва слышно проговорила Александра.

– Кого ее? – продолжал прикидываться Александр, не зная, как уйти от такого поворота разговора.

– Оленьку Зубкову... – выдохнула Александра, сжавшись от страха, – но ведь она...

– Ну что такое вы говорите, Александра, – с упреком в голосе, стараясь не выдать смущения и делая вид, что даже рассердился, перебил ее Александр.

– Она ведьма, – торопливо продолжила Александра, с каждым словом утверждаясь в своем мнении, преодолевая растерянность и страх. – Пока еще не ведьма, а только дьяволица. Агафья-ключница точно знает по приметам.

– Ах, Александра, – искренне, в сердцах воскликнул Александр, – ну как вы можете верить во все эти сказки!

– Это не сказки. И Персидский подтвердил: как шел с ней в полонезе – искры от нее сыпались. И ведь это не она приезжала тогда на помолвку, а только видение ее, а потом исчезла, вместе с каретой и лошадьми. Не просто так Поленька умерла, не просто так!

– Перестаньте, Александра, – убедительно, с ноткой строгости сказал Александр. – Я еду в Петербург, чтобы определиться на службу. А потом на войну.

– Не уезжайте, Александр, не уезжайте! Не оставляйте нас одних. Сделайте сами выбор, – Александра молитвенно сложила руки, – прошу вас, выберите меня, я сделаю все, как вы скажете. Аннет влюблена в барона Дельвига. Я тоже думала, что полюбила его. Ведь в том его стихотворении, которое он сочинил на празднике у Ратмирских, почти все только обо мне. Но Аннет говорит, что это все о ней. Она призналась, что видит его во сне. Выберите меня! Клянусь, я составлю ваше счастье!

– Вы совсем молоды, Александра. Вы говорите как ребенок. У вас все впереди. Вы еще полюбите, не по-детски, а по-настоящему. И, кстати, барон Дельвиг ведь тоже уже уехал в армию, на войну.

– Ну вот, кого же я полюблю? Бегичева? Протасова? Я не смогу ждать так, как Ивлева, до тридцати лет! Это целая вечность! Это невозможно перенести! – воскликнула Александра и залилась слезами.

7. Поучительная история замужества Ивлевой

*Не спеши, девка, замуж.
Русское народное присловье.*

Александре на тот момент только-только исполнилось семнадцать. Историю замужества Ивлевой все неудержимо стремящиеся замуж девицы округа знали наизусть, как многие древние греки бессмертную поэму слепого Гомера об осаде Илиона. Сердобольные матушки и тетушки повторяли ее молодым девушкам сотни раз, с тем чтобы наставить их на путь истинный и научить недевичьему уму-разуму.

Но юные девицы воспринимали эту историю как раз умом девичьим, соответственно своей логике, и делали из нее вывод совершенно противоположный тому, который из всех сил им пытались внушить матушки и тетушки.

Ивлева была троюродной младшей сестрой Карамышевой, известной читателю коварными действиями по отдалению от семейства Холмских завидного жениха Арсеньева, намеревавшегося стать их зятем. Когда старшая из Ивлевых вышла замуж за Карамышева, ее сестре едва исполнилось пять лет. Прошли годы и она выросла статной красавицей, почти бесприданницей – ее ожидало наследство от дядюшки, небольшая, но достаточная деревенька по соседству с имением Трилесиной старой княгини Ратмирской.

Воспитывалась младшая Ивлева частью у Карамышевых, но более у этого своего дядюшки, по фамилии тоже Ивлев, слывшего чудачком. Он собирал листья деревьев, но не для гербария и не для каких-либо ботанических изысканий. Он покрывал их особым лаком, что позволяло сохранять цвет листьев.

По словам Ивлева, это был такой же лак, как и тот, который использовал при изготовлении своих знаменитых скрипок известный мастер Страдивари (ученик Амати из Кремоны) – именно благодаря этому лаку созданные великим итальянцем инструменты издавали чистые, нежные, выдающейся красоты совершенные звуки, когда кто-либо из виртуозов проводил смычком по их струнам.

Секрет лака Страдивари давно утерян, но Ивлеву его сообщил один заезжий итальянец. Преследуемый завистливыми конкурентами, он бежал в Россию, судьба забросила его в Тверь, где он мечтал наладить, вдали от своих недругов, производство скрипок и поставлять их в европейские столицы придворным скрипачам, более всего на свете ценящим хороший инструмент.

Итальянец, лишенный привычного ему светло-красного, обладающего превосходным букетом Лакримо-Кристи из гроздий, снятых с лоз, произрастающих на склонах Везувия, обращенных к морю, пристрастился к хлебному вину, получаемому из пшеничных зерен, собранных смиренными поселянами вдали от счастливой солнечной Авзонии, на скудных российских нивах, и умер от белой горячки.

Секрет лака он все же успел передать Ивлеву, за что тот и похоронил его за свои деньги на окраине Твери и, внимая предсмертным просьбам бедолаги, упрасивал православного батюшку отпеть несчастного итальянца по католическому обряду, а получив суровый отказ, уговорил местного камнереза изобразить на скромном надгробии католический крест, и тот не отказал, получив в награду штоф все того же хлебного вина.

Ивлев разобрал оставленные ему итальянцем записи и по рецептам восстановил лак, облагораживающий голоса скрипок, страдающих по далекой Италии, но так как к музыке был равнодушен, то лаком этим он покрывал древесные листья, которые собирал с ранней весны до первого снега.

Покрытые лаком листья Ивлева наклеивал на загрунтованные холсты и развешивал их по стенам в своем имении. Произведения, создаваемые им таким способом, опережали развитие искусств лет на двести, о чем ни он сам, ни его соседи не догадывались.

Особенно сильное впечатление производили листья осины поздней осени – нежно- и густо-золотые, бордовые и багряно-красные, черные, сизо-пепельно-серые и коричневые самых различных оттенков.

Казалось бы осина – экое невзрачное дерево, и растет на болоте, и древесина ни на что не годна, кроме как на дрова, да и те нехороши, особенно сырые, и добрым словом никто не помянет, а если помянет, то недобрым, это тебе не белая, кудрявая береза, всеобщая любимица, или важный дуб, что всех главнее. А какие краски в ней, в осине, скрыты, какая красота, хотя и является эта красота только в опавшей листве.

Но чудаковатым Ивлева считали даже не за то, что он возился с древесными листьями, а за его привычку задаваться разными вопросами о смысле того или иного дела. Например, какую мельницу лучше бы построить – ветряк или водяную? Распахать ли землю под пашню или отвести ее под пастбище? Надстроить ли второй этаж барского дома или поставить отдельный флигель?

На все эти темы Ивлева мог рассуждать целыми днями, излагая самые разумные доводы и обосновывая то одну, то другую точку зрения. Возможно, эта рассудительность и передалась его племяннице.

Когда младшая Ивлева – красавица, с хорошим домашним образованием и воспитанием – достигла необходимого возраста, то есть шестнадцати-семнадцати лет, старшая сестра и дядя озаботились ее замужеством. Сама Ивлева по этому поводу сказала, что она хотела бы выйти замуж за человека, обладающего такими же качествами, как муж ее сестры – Карамышев.

Карамышев действительно мог служить образцом мужчины-семьянина. Средних лет, видный собою, приятного характера, не склонный ни к каким порокам и излишествам, довольно состоятельный, очень обходительный и тактичный, и в то же время чувствовалось – настоящий мужчина.

Найти такого второго в округе не представлялось возможным. Поэтому младшую Ивлеву решили везти на ярмарку невест в Москву, что требовало кое-каких, пусть себе не очень больших, но все же и не малых расходов.

Младшую Ивлеву вывезли в Москву. И она имела успех. Все записные женихи оказались у ее ног. Но Ивлева не спешила. Она хотела выйти замуж. И даже очень. Но не за всякого-каждого. А за мужчину, который, как она сама для себя постановила, обладал бы такими качествами, как Карамышев.

Но в Москве, с ее неисчислимыми женихами, таковой сыскался не сразу.

8. Поучительная история замужества Ивлевой (продолжение)

*Не всякому хороший пример в поучение.
Русское народное присловье.*

Каждый год осенью младшая Ивлева проводила в Москве. Какие только женихи не сватались к ней! И многие из них были близки к тому, чтобы заполучить руку и сердце взыскательной, но отнюдь не капризной и совсем не гордой и никак не заносчивой, а вполне покладистой и в общем-то даже снисходительной, но в то же время осмотрительной красавицы.

Однако она не торопилась. А если трезво поразмышлять, хотя бы как ее дядя по поводу преимуществ ветряка и водяной мельницы...

Ведь поставить ветрянную мельницу проще и быстрее. И хлопот с нею особых нет. Водяная требует плотины, а плотину после дождя того и гляди подмоет, а то и снесет по весне, когда вешние воды не удержат в их веселом, стремительном беге – журчание ручьев, сбегаящих с полей, радует и вдохновляет поэтов, а не мельника – ему от них одни заботы.

Но ветряк не сам ведь машет крыльями, это делает ветер, а он, когда не нужно – шумно играет в ветвях деревьев и клонит долу их верхушки, а когда требуется запустить жернова – его и не сыскать, и не найти в тихом шелесте листьев.

Зато река работает без отказа – отодвинь только задвижку и трудолюбивый поток тут же начнет вращать водяное колесо. К тому же от пруда при мельнице свои, хотя и небольшие, но выгоды, та же, к примеру, рыбная ловля, дающая весомую прибавку в хозяйстве мельника.

Вот и выходит, что не так просто решить вопрос: ставить ли ветряк или сооружать водяную мельницу. А ведь замужество – дело куда более серьезное и ответственное. Поэтому обдумать его нужно основательно и учесть все достоинства жениха, иной раз, поначалу, неприметные, а то и нарочно скрываемые от неопытной и часто наивной невесты.

Так выяснилось, что один из вполне приличных женихов – картежник, пустивший по ветру не одно состояние, а другой – вроде бы серьезный и представительный помещик – забубенный пьяница.

После таких открытий младшая Ивлева стала еще осторожнее. Да, женихов на московской ярмарке невест много, не меньше, чем барышень, мечтающих о брачном венце, брачном же ложе и счастливой семейной жизни.

Но, присмотревшись повнимательнее, без труда заметишь – этот скуп, тот мямля и до того рассеянный, что, пожалуй, на следующий день после свадьбы забудет, как зовут жену, не говоря о своих мужских обязанностях. А еще один – ну совершенно глуп. А этот – полковник, но явный самодур и ко всему еще непозволительно груб и громогласен, как иерихонская труба.

А вот вроде степенный и уважительный и далеко продвинулся по статской службе, но некрасив, ну просто безобразен. Красота для мужчины не самое главное, но всему есть разумный предел...

Был среди женихов и какой-то ужасный масон. Многие, как известно, записываются в ложи, но об этом женихе шепотом рассказывали такое, что уж, право, лучше обойти стороной. А еще один – очень обаятельный, даже, можно сказать, волнительный, такому и отказать трудно, но оказалось, уверяя в самых серьезных намерениях, он одновременно изъяснялся в нежных чувствах еще двум прелестницам и, мало того – большой охотник до французских актрис. Нашелся жених и без пороков и недостатков, но уж очень мал ростом, и к тому же никаких особенных достоинств...

Одним словом, ни московские, ни местные женихи Ивлеву не устраивали и ни о каком сравнении с Карамышевым и речи быть не могло. Да и Карамышев вскоре умер, а засидевшейся

в девицах Ивлевой уже тридцать лет, о каком уже тут замужестве думать, когда в уезде, да и в Москве семнадцатилетних барышень – пруд пруди и все они готовы замуж без всяких осторожных размышлений и без оглядки.

Правда, в свои тридцать Ивлева выглядела на двадцать пять. И стройна, и легка, и все так же мила, как и десять лет назад. И привлекательна...

В ее годы, казалось бы, замуж хоть за хромого капитан-исправника. Но нет, все так же требовательна, и не отчаивается и непонятно на что надеется. И оказалось – не напрасно.

Однажды к старому князю Ратмирскому, незадолго до его смерти, явился из Петербурга по какому-то делу особой важности молодой господин лет тридцати пяти, Николай Павлович Бахметьев. Приехал всего на два дня, князь не знал, как угодить такому гостю – Бахметьев был вхож в самые высшие политические сферы и в свои, для этих сфер, почти юные годы уже имел чин действительного тайного советника, то есть штатского генерала. А с виду – прост и приветлив и без тени зазнайства, словно он какой-нибудь коллежский асессор или помещик средней руки.

Ивлевой как раз случилось заехать к Ратмирским и отобедать у своих соседей. Бахметьев, столичный гость, обратил внимание на провинциальную барышню, которую язык не поворачивался назвать старой девой, хотя по сути дела именно ею она и была.

Бахметьев отложил отъезд, навестил Ивлеву в доставшемся ей от давно уже умершего дядюшки небольшом имении и подивился собранию древесных листьев, покрытых чудесным лаком, дарующим скрипкам звук необычайной нежности и силы и позволяющим опавшим листьям, равно как и только что распустившимся, тревожащим душу клейким изумрудным блеском сохранять цвет вплоть до самых тонких оттенков. А потом, спустя два дня, приехал еще раз и сделал предложение.

Ивлева, в ее-то положении и при ее-то обстоятельствах, должна бы вознести Богу, Судьбе и Провидению молитву в благодарность за такую партию и поторопиться собирать подвенечный наряд. Но вместо этого она опять начала размышлять.

Она ведь знала Бахметьева всего несколько дней. То что он не мямля, не рассеян, не глуп и не груб, и, судя по всему, не скуп, можно определить сразу, как и то, что он хорош лицом и не мал ростом, элегантен, воспитан и образован. И, конечно же, состоятелен, да и скорее всего богат.

Ну а если он игрок, тайно подвержен какому-нибудь скрытому пороку, ловелас или Дон Жуан, или страшный масон?

В ответ на долгожданное лестное предложение Ивлева сказала Бахметьеву, что она мечтает о замужестве и по первому знакомству с ним испытывает к нему симпатию, но... Прежде чем принять такое важное для женщины решение, она должна хорошо узнать того, с кем решится навсегда связать свою жизнь.

Бахметьев уехал в Петербург, через два месяца вернулся и купил небольшое имение недалеко от владений Ратмирских. Раза два-три в неделю он посещал свою предполагаемую невесту, и полгода они гуляли по аллеям парка, чаевничали и вели серьезные и несерьезные разговоры, ведь в несерьезных разговорах иногда узнаешь о человеке больше, чем из самых умных бесед. Ивлева могла убедиться, что претендент на ее руку ни в чем не уступает Карамышеву, когда-то в юности избранному ею за образец и идеал супруга, а во многом даже и превосходит его.

Потом молодые обвенчались в надеждинской церкви и спустя несколько месяцев уехали. Теперь у них уже пятеро детей – трое сыновей и две дочери. Живут Бахметьевы в Петербурге, но у них дом в Москве, несколько подмосковных деревень. Они приняты при дворе. Бахметьев – в чинах и в орденах, он важное лицо в Иностранной коллегии и вместе с семьей подолгу пребывает в Париже, Риме и Вене.

Изредка Бахметьевы приезжают и в свое тверское поместье, и соседи – в первую очередь соседки – имеют возможность убедиться, что Ивлева – а лет ей уже, поди, под пятьдесят – как и раньше, неувядающе красива, привлекательна, но рассудительна. И выглядит не более как на тридцать.

На примере Ивлевой матушки и тетушки, тоже прожившие на этом белом свете лет пятьдесят – пятьдесят пять и уже многое повидавшие на своем веку, а потому и познавшие разные истины в отличие от своих семнадцатилетних дочерей, пока еще ничего в этой жизни не понимающих, хотели им, этим семнадцатилетним девицам, растолковать и объяснить, что не нужно торопиться с замужеством и, зажмурив глаза, бросаться в омут вниз головой в мечтах, что тебя подхватит счастливая, дурманящая нежными ласками волна.

Историей Ивлевой осмотрительные в свои пятьдесят лет матушки и тетушки надоели семнадцатилетним девицам всей округи до того, что те, казалось, составили настоящий заговор против Ивлевой. Только заслышав ее фамилию, юные барышни поджимали губы и на лице их появлялось выражение независимости и упрямства.

Ждать пятнадцать лет, как Ивлева?! Ни за что на свете! А если он, этот распрекрасный Бахметьев, не явится через пятнадцать лет, и в каком тогда ты окажешься положении? Да, для Ивлевой нашелся Бахметьев, а много ли их, Бахметьевых, приезжает вдруг в наш уезд? Этот Бахметьев, может, один такой на свете, и тот уже достался Ивлевой, разумно и терпеливо его дождавшейся, так кого же теперь ожидать?

Это можно ожидать жениха, после помолвки ушедшего на войну – и год и два, и того больше, но не ожидать же неизвестно кого пятнадцать лет, это уже просто издевательство какое-то! Уж лучше в омут головой или со смелым красавцем на край света, ночью, на неустойчивой тройке, когда и подумать-то некогда, потому что нужно быстрее собираться, и сердце стучит так, что никаких мыслей не слышно, и быстрее, быстрее в коляску вопреки всем страхам, увещаниям и самым разумным рассуждениям.

9. Источник обмана, причина заблуждений

О женищны!
И. Ф. Шиллер.

Александра, конечно же, знала историю Ивлевой и полностью разделяла мнение своих сверстниц, а никак не предусмотрительных матушек и тетушек.

Раньше, когда ей в наследство от княгини Тверской была обещана одна достаточная деревенька, мнение это она старалась держать при себе, а если и доверяла его кому-нибудь, то только тайком Аннет Шеншиной, и та его полностью разделяла.

Но став полноправными хозяйками огромного имения Старухи, княгини Тверской, обе юные совоспитанницы уже не боялись высказывать свои мысли по этому поводу вслух.

Александр попытался успокоить гостью, и это у него почти получилось – ему удалось опять вернуть разговор к претензиям нелюбимого племянника княгини Тверской, Пржебышевского. Александр заверил законную наследницу, что он действительно, считая себя обязанным княгине и помня о ее внимании и, можно сказать, особом расположении к нему, сделает в случае необходимости все, чтобы никто не посмел нарушить волю некогда грозной и суровой Старухи.

Уговаривая новую владельницу Тверского, Александр неосторожно поклялся – просто употребил слово «клянусь», что он никогда не оставит – имелось в виду в беде – ни Александру, ни Аннет. Но слово «клянусь» подействовало самым неожиданным образом.

Ухватившись за него, Александра вдруг потребовала, чтобы Нелимов поклялся – во-первых, что, вернувшись с войны, он сделает свой выбор – то есть женится на ней или на Аннет, и тогда они готовы ждать его, как Ивлева, сколько угодно лет, а во-вторых, что он действительно не влюблен в Оленьку Зубкову и неподвластен ее колдовству.

Александр начал разубеждать Александру, причем не совсем удачно, и дал заподозрить себя в неискренности. Почувствовав, что Александр пытается уйти от клятвенных обещаний, девица, только что горестно и просяще рыдавшая, рассердилась.

– Ах вот как! – воскликнула она. – Тогда я все расскажу... – Александра хотела сказать «Поленьке», но вспомнила, что Поленьки уже нет. – Я все расскажу... – Александра могла пригрозить княгиней Тверской, но опять запнулась – ведь и княгиня Тверская тоже умерла. – Я все расскажу... Я все расскажу... Аннет... – и действительно, кроме Аннет пожаловаться ей было некому, она вскочила из-за стола и выбежала из комнаты.

В тот же день поздним вечером Александр Нелимов и Владимир Дубровский попытались, как это они часто делали, заменить ужин интересной беседой, в чем и достигли успеха. Но на этот раз разговор зашел не о стратегических просчетах Ганнибала во вторую Пуническую войну и не об устаревающей на глазах тактике прусского короля Фридриха II, совсем недавно, года два тому назад, всем известным маневром успешно завершившего свой жизненный путь, одновременно с этим закончив и свою блестящую, хотя и не всегда победную военную карьеру.

Молодые люди не зажигали свечей ввиду их отсутствия. Они уселись у большого окна, выходящего в старый парк. Полная луна сияла, апрельская ночь была тиха, изредка поднимался ветерок и пробегал по ветвям деревьев, пока еще голым, но пройдет немного времени и они, эти ветви старого парка, наполнятся нежной, зеленой, молодой листвой, и ветерок уже будет шелестеть листочками, с робкой надеждой жажущими жизни, пока они по осени не опадут на сырую холодную землю, чтобы уже шуршать под ногами, вызывая своим шорохом самые грустные и печальные мысли.

– Я хочу извиниться, что стал невольным свидетелем вашего разговора с решительной красавицей, – начал Дубровский, не столько просто извиняясь, сколько приглашая поговорить о том, что касалось их собственной жизни.

– Я не скрываю своих отношений с семейством княгини Тверской, – ответил Александр, как бы соглашаясь на искренний разговор. – Я был помолвлен с недавно умершей племянницей княгини – Поленькой. Брак этот должен был состояться по договоренности между княгиней и моим отцом... Ему способствовала и моя сестра Катенька, она живет в Петербурге.

– Барон Дельви́г рассказывал мне о ней. Она ведь фрейлина при дворе великого князя?

– Да.

– Как я понял, барон влюблен в нее?

– Это поэтическая влюбленность, и я не знаю, чем у них все завершится. Мой брак с Поленькой совсем иное дело. Предполагалось, что я унаследую все состояние княгини. И тем самым как бы обеспечу сохранность ее владений – от обстоятельств времени, но в первую очередь от покушений ее нелюбимого племянника, живущего долгами в столице. И вместе с этим подразумевалось, что брак этот возродит из нищеты наше собственное имение. Ну и, конечно, обеспечит будущее и мое, и Поленьки. И в том числе ее совоспитанниц – Аннет и Александры – она и приезжала сегодня. Но смерть Поленьки, а потом и княгини Тверской... А незадолго до этого и моего отца... Расстроили все эти планы. Наследницами огромного состояния стали бедные сироты – Аннет и Александра. Они единственные родственницы княгини. Кроме, разумеется, нелюбимого племянника. И естественно, княгиня оставила им все, чем владела. И, как и обещала – ни гроша племяннику. Все это, возможно, закончится судом, а вы ведь знаете, какой у нас суд.

– О, это я знаю, как никто другой.

– Вам приходилось иметь дело с судейскими крючкотворами?

– Я как-нибудь расскажу вам об этом...

– Если племянник затеет тяжбу... Зацепка у него есть – он более близкий родственник княгини. Но завещание перевесит это обстоятельство – если судить справедливо.

– Где же судят справедливо? У нас?

– Я думаю, стоит опасаться и подкупа, и всяких судейских ухищрений. Тем более что племянник в долгах, долги, судя по всему, немалые и кредиторы, конечно же, помогут ему, чувствуя богатую поживу... Нынешним хозяйкам Тверского, возможно, и не под силу отстоять свои права. Вот они своим женским умом и решили прибегнуть к старому плану. То есть чтобы я женился на одной из них вместо Поленьки...

– Вы любили Поленьку? Барон Дельви́г рассказывал мне о вашей помолвке... Он относился и к вам, и к Поленьке самым восторженным образом...

– Как я говорю – поэтически... Поленьку все называли ангелом. Ее невозможно было не любить. И я любил ее, как любят в семье милого ребенка... Но ничего романтического в моих к ней симпатиях сам я не находил... Наш предполагаемый брак можно назвать браком по расчету... Но кроме расчетов, устраивавших все стороны, он содержал еще и самые хорошие отношения между женихом и невестой. Но, разумеется, собственно приданое – сорок тысяч душ – играло, не стану скрывать, определяющую роль...

– Тогда почему же вы отказались от вполне разумного предложения одной из нынешних хозяек Тверского?

– Скажу вам искренне – несколько месяцев тому назад я скорее всего так и поступил бы. Брак принес бы мне совершенную независимость... В материальном, так сказать, отношении. И обе совоспитанницы Поленьки – милы и могут составить счастье любого порядочного человека и сами достойны любви и счастья... Возможно, я так и поступил бы... Особенно если бы моя сестра Катенька решила именно так устроить мою судьбу.

– Она старше вас?

– Да. Всего на год. Так сложилось, что я во многом полагаюсь больше на ее мнение, чем на свое... Особенно в такого рода вопросах... Так вот, несколько месяцев тому назад я бы, наверное, женился... Но не сегодня...

– Почему?

– Возникли обстоятельства, настолько изменившие мою жизнь, что жена, семья свяжут меня и могут помешать мне исполнить то, что представляется для меня сегодня смыслом и делом всей жизни... То, что я понимаю сегодня как цель жизни...

– Александр, возможно, я спрашиваю вас о том, о чем малознакомый человек не имеет права спрашивать. Я прошу извинить меня, если я...

– Нет-нет, не извиняйтесь. Мы живем с вами рядом вот уже несколько месяцев... И так мало знаем друг о друге. Вы – обо мне. Я – о вас. Кроме рассказов наших барышень о местном Ринальдо-Ринальдини, который от страстной любви стал разбойником.

– Это я от страстной любви стал разбойником? Господи, какая чушь! Хотя... В самом деле, кто я? Разбойник... Да и любовь тоже потом явилась в моей истории... И вот, может, именно поэтому я бы и дал вам совет как человек, который старше вас и который погубил себя... Если у вас действительно есть дело и цель всей жизни... Если вы в чем-то увидели смысл своего существования... Бегите женщин... Связав жизнь с женщиной, вы никогда не достигнете своей цели... А если полюбите женщину, если позволите ей овладеть вашими мыслями, вашими чувствами... То уже ничто не спасет вас... Женщина в этом мире – источник обмана, причина заблуждений.

– Услышали бы вас сейчас наши уездные красавицы. Они-то считают вас самым страстным и романтическим любовником. Но насколько я знаю... Все ваши... Так сказать... То, что переменяло вам жизнь, связано с вашими чувствами к дочери Троекурова...

– Никакой дочери Троекурова я и в глаза не видел, до тех пор пока не принял решения убить его... Да, именно встреча с ней переменяла мои замыслы. За что я теперь и проклинаяю себя... По крайней мере, если бы я убил этого негодяя, я совершил бы месть, и моя совесть была бы спокойна...

10. Исповедь горячего сердца

Сей Дубровский был ему ближайшим соседом и владел семидесятью душами. Троекуров, надменный в отношениях с людьми самого высокого звания, уважал Дубровского, несмотря на его смиренное состояние. Некогда были они товарищами по службе.

А. С. Пушкин.

– Я знаю вашу историю, даже в подробностях, но в изложении наших барышень, а они, возможно, многое домыслили и переврали. У молодых девиц богатое воображение, – продолжил беседу Александр Нелимов.

– Если вам не будет скучно, я расскажу, что со мной произошло. И буду рад, если моя история хотя бы несколько послужит вам для жизненного опыта. Впрочем, я чувствую необходимость высказать все, что пережил, чтобы облегчить душу... И боюсь только, что мое желание исповедоваться покажется навязчивым и я надоем вам.

– Нисколько. Мне даже интересно знать, что произошло на самом деле. Барон Дельвиг пытался объяснить мне ваши обстоятельства, но я ничего не понял.

– Я не посвящал барона в подробности своих злоключений, да у нас и не было возможности общаться – он ведь скрывал мое присутствие от своей матери, меня прятали на чердаке флигеля тетушки барона... Барону обязан я жизнью...

– Барон мой самый близкий друг. Друг детства. Не знаю, сохранятся ли наши отношения в будущем. Уж больно разными дорогами повела нас судьба.

– Да, судьба переменчива... Разве могло год назад прийти мне в голову, что я, гвардии поручик, стану разбойником? И где?! В глухих тверских лесах, вдали от Петербурга, где я был уважаем в кругу друзей, отличаю начальством и имел надежды дослужиться до высоких чинов к радости и гордости отца моего?

– Вы ведь родились в Кистеневке?

– Да. Но мать моя, которую я едва помню и к которой отец мой относился с обожанием, умерла, когда мне едва минуло пять лет. А еще через два года отец отправил меня в столицу, к дальнему своему родственнику – тот пообещал определить меня в кадетский корпус. После выпуска, за успехи в учебе и службе меня зачислили в гвардию. В полку, благодаря вниманию командиров, я, без связей и протекции, довольно быстро получил чин поручика. Как счастлив и горд был отец! Всю жизнь он прослужил в артиллерии, воевал, несколько раз был ранен, в отставку ушел в чине армейского премьер-майора, и продвижение мое по службе виделось ему как продолжение собственной воинской карьеры. Хотя за чинами и наградами он не гнался. Не раз говорил он мне любимую свою пословицу «Служи честно и верно, а начальство заметит и царь наградит», коей всю жизнь следовал сам.

Служба в гвардейском полку, обремененная многими условностями и излишествами, требует денег. Отец мой, ограничивая себя, ничего не щадил для моего содержания, я же, по свойственной молодости беспечности, плохо представлял стесненные бедностью его возможности. Как и все мои товарищи, позволял себе вести жизнь праздную и расточительную. Картежная игра, французские актрисы, прихоти и озорство, иногда опасные дуэли по пустяковому поводу, заканчивающиеся выстрелами в воздух и веселыми дружескими попойками с шампанским, долги, на которые никто не обращает внимания – вот в двух словах столичная жизнь гвардейского офицера.

Конечно, я понимал, что по состоянию своему, имея за отцом одну деревеньку в полтора десятка душ, не могу равняться с многими из своих товарищей, наследников богатейших родовых вотчин. Но, превосходя их многими другими отличиями – в том числе успехами у женщин, –

я надеялся в случае необходимости поправить свое положение с помощью богатой невесты – чему множество примеров имел возможность наблюдать.

Другое год от года тревожило мою душу. Чем далее, тем более жизнь начинала казаться мне пустой и лишённой смысла. Но и эти беспокойные размышления отгонял я той мыслью, что вот-вот начнется война – а слухи об этом возникали то и дело – и тогда, наконец, призванный исполнить долг офицера перед царем и отечеством, покрою я мужеством и преданной службой всю никчемную суету той жизни, которую уже без особого интереса первых опытов молодости веду в праздной и шумной столице.

Однако судьба заготовила мне совсем другое испытание и выдержать его мне не хватило ни ума, ни характера...

Владимир Дубровский умолк, словно собираясь с мыслями. Луна по-прежнему сияла над деревьями старого парка, освещая аллеи, словно днем, особенным, ночным, хотя и ярким, но жидким голубоватым светом.

– Тут надобно сказать несколько слов о взаимоотношениях отца моего с его соседом, богатым помещиком Троекуровым, фамилию коего, вы, конечно же, слышали и ранее. В молодости они вместе воевали. Близкими друзьями не были, однако ж считались товарищами. Служба в артиллерии имеет свои особенности. Человеку бестолковому и неумному – а именно таков Троекуров – в артиллерии продвинуться в чинах несколько сложнее, чем в пехоте или кавалерии. Поэтому, когда отец мой дослужился до майора, Троекуров ходил в нижних чинах и не однажды пользовался покровительством своего более успешного сверстника и товарища.

Потом отец страстно влюбился, женился и спустя несколько лет, после тяжелого ранения, вышел в отставку. Перед этим он обустроил жизнь своего семейства. Продал небольшое родовое поместье в Орловской губернии, а крестьян вывез в имение, доставшееся ему в приданое за женою – то есть в Кистеневку. Замечу сразу: Кистеневку когда-то давно, лет, может, пятьдесят тому назад, родители матери моей купили у Троекурова, известного богача, дяди сослуживца отца моего. Дядя этот вскоре умер, и племянник наследовал его огромное состояние.

Пока отец мой обживался в Кистеневке – а тогда уже и я появился на свет – Троекуров оставался в армии. Он перевелся в кавалерию и вышел в отставку в чине генерал-аншефа. Известно, что в кавалерии дорогая лошадь, подаренная командиру полка, позволяет нарушать и обходить правила старшинства, неподвластные при повышении в чине даже императрице. Троекуров поселился в Покровском, по соседству с Кистеневкой. Самодурство его и наглый нрав заставляли трепетать многих в уезде. Не однажды он показывал и силу свою, совершая наезды на имения тех, кто не умел заискивать перед грозным генерал-аншефом в отставке.

По-другому вел он себя в отношении отца моего, уважая старого товарища по оружию и помня о вспыльчивом нраве его. Отец мой не был бретером, но ему случалось на поединках отстаивать честь свою, и все, кому доводилось знать его, имели это в виду. Троекуров громко объявлял всем о дружбе с отцом моим, подчеркивая этим, что независимость, позволенная его боевому товарищу, не касается до остальных помещиков, кои должны низкопоклонствовать перед необузданным хозяином уезда. Поэтому положение отца моего стало еще и предметом зависти.

Отец был большим любителем охоты, знал в ней все тонкости и слыл большим знатоком по части борзых. Но по бедности своей держал всего две своры.

Троекуров владел прекрасной псарней и часто просил помощи и совета, когда дело касалось собак. Да и на охоту он всегда выезжал с отцом моим, во всем полагаясь на его опыт и навык. И вот однажды, оказавшись на псарне соседа и заметив какую-то провинность нерадивого пса, грозившую потерей породистой собаки, отец сделал тому строгий выговор. Однако псарь ответил дерзостью. Отец в гневе прибил холопа и уехал.

Возможно, случай этот забылся бы. Однако один из помещиков, некто Спицин, ухитрился ловко подзудить Троекурова. Как, мол, так, сосед, коему Троекуров и без того пота-

кает, самоуправствует, надеясь на свою безнаказанность. Владения этого Спицина граничили с Кистеневкою, и во время недавнего межевания имел он необоснованную претензию на часть угодий, хотя и не осмелился заявить об этом. Как раз намечалась большая охота. Троекуров явился в Кистеневку, но прежде чем говорить об охоте, вздумал сурово попенять отцу за то, что он забывает о должном почтении к своему могущественному покровителю.

Отец отвечал, что он, как честный дворянин, ни в чем покровительстве не нуждается. А если кто кому и покровительствовал, так только он Троекурову в годы совместной службы. Слово за слово, дошло до серьезной ссоры. Троекурову, видимо, давно претило независимое положение отца моего среди общего раболепства. Отец же в душе тоже, видимо, упрекал судьбу в ее ничем не обоснованной благосклонности к бывшему сослуживцу, который, кроме нерадивости, ничем себя не проявил.

С Троекуровым давно уже никто не разговаривал как равный с равным. Он пришел в бешенство и уехал, пообещав камня на камне не оставить от Кистеневки. К нынешнему времени войны между помещиками стали большой редкостью, но этот пережиток древности нашей окончательно, как известно, не изжит. К вечеру того же дня кавалерийская лавина дворовых и псарей Троекурова обрушилась на Кистеневку.

Отец, уходя в отставку, из любви к своему артиллерийскому искусству привез с собою две трофейные медные пушки, весьма исправные. Он велел дать залп картечью по нападавшим. К счастью, никто из людей не погиб, но крови и раненых было много, включая лошадей. Атака захлебнулась, смельчаки, никогда не знавшие отпора, позорно ретировались и более не осмеливались повторить набег.

Спустя некоторое время покровские мужики, известные тем, что, в надежде на силу имени своего барина, нередко шалили в чужих лесах, уворовали два воза заготовленных дров в Кистеневской березовой роще. Ранее они обходили владения отца моего стороной, зная об особом к нему отношении Троекурова. Но после всех событий решили, что можно не стесняться. Когда они вознамерились повторить свою диверсию, кистеневские мужики поймали их на месте преступления и доставили на барский двор. Отец приказал воров высесть, а лошадей и телеги изъять.

Событие это больно задело Троекурова. Тем более что Спицин, преследуя свои подлые цели, притворно возмущаясь наглостью соседа, восхвалял победы отца моего в начавшихся военных действиях, что больно уязвило самолюбие Троекурова. Спицин же и подсказал ему, каким образом повергнуть непокорного соседа.

Межуясь с моим отцом, он случайно узнал, что все документы, подтверждающие права на Кистеневку, сгорели во время пожара, лет десять тому назад. А так как некогда имением владел дядя Троекурова, то суд, закрыв глаза на истинное положение дела, имел повод, в случае тяжбы, отнять у моего отца имение и вернуть его прежнему владельцу. Когда подручные Троекурова и действовавшие с ними заодно судейские чиновники начали процесс, отец мой не мог поверить в такое попрание правды и здравого смысла.

11. Исповедь горячего сердца (продолжение)

«Итак, все кончено» – сказал он сам себе.

А. С. Пушкин.

Однако неправый суд свершился, единственное имение отца моего было отнято в пользу Троекурова. Старик слег от треволнений. Моя полуграмотная няня и кормилица прислала мне письмо, из которого я узнал, что отец при смерти. Срочно испросив отпуск, помчался я в Кистеневку и застал отца своего еще живым. Однако дни его были сочтены.

Из бессвязных речей старика узнал я подробности произошедшего. Все свои надежды он возлагал на меня. Он умолял обратиться к государыне, уповая, что, зная о моей безупречной службе и взяв во внимание многолетнюю службу его самого, она восстановит справедливость. К вечеру на второй день после похорон отца в Кистеневку явились приказные, предъявили мне постановление суда и объявили имение собственностью Троекурова.

Исправник, предводительствовавший приказными, милостиво велел передать, что разрешает мне переночевать в доме, в котором я родился, а поутру я должен был покинуть этот дом и стать нищим, ибо кроме отцовской Кистеневки да кое-каких мелких долгов в Петербурге я ничего не имел в целом свете. Я заперся в спальне. Приказные же нашли на кухне несколько бутылок рома – его моя старая няня в большом количестве использовала для приготовления настоек и разных снадобий от всяких хворей, она знала толк во врачевательстве подобного рода. Эти негодяи, ничуть не стесняясь моим присутствием, устроили на другой половине дома шумную пьянку, будто торжествуя свою победу.

Я слушал их пьяные крики, в груди у меня все клокотало, мысли, одна мрачнее другой, будоражили мое воображение. Что ж, думал я, достоин ли человека, обладающего чувством чести, оставить дом свой, где когда-то сделал он первые шаги свои, где умер отец его, преследуемый несправедливым недоброжелателем – и кому оставить – этому же врагу, виновнику всех бед и несчастий?

Пьяные крики приказных умолкли, свеча догорала передо мною. Вдруг дверь отворилась и нянюшка впустила ко мне нескольких мужиков. От всех их кузнец Архип обратился ко мне. Не умея, в силу косноязычия, выразить мыслей своих, он тем не менее объяснил, что кистеневские мужики, те, кто не обременен семьею, решились ни при каких угрозах не оставаться под властью Троекурова, а хлеб себе добывать известным способом, то есть разбоем – на большой дороге издавна не сеют, не жнут, однако ж не голодают. Не помня себя от смятения чувств, объявил я, что беру их под свое начало, они же обязались повиноваться мне как своему единственно возможному барину и предводителю.

Я велел няне и тем из прислуги, кто жил в доме, забрать свои пожитки, мужики принесли сена, подложили под крыльцо, и я своею рукою зажег родительский дом. Спустя полчаса он пылал как огромный костер, полуголые приказные едва успели повыскакивать из пламени. Ну а я вместе с двумя десятками лихих молодцев ушел в дальний Кистеневский лес.

Совершенно не знал я, что мне делать и как мне быть и что есть жизнь моя. Вопрос этот разрешить я постановил только после того, как отомщу за смерть отца своего. А прежде Троекуров и Спицин поплатятся жизнями своими. Спицин попался мне в руки случайно – не прошло и нескольких недель после того, как сгорела барская усадьба в Кистеневке. Поняв, что ему грозит, негодяй ползал у меня в ногах, вымаливая пощаду, изображая себя невиновным, проклиная Троекурова, по воле коего он якобы был принужден исполнять подлую свою роль.

Достав из кожаной сумы, спрятанной на груди, двадцать тысяч ассигнациями, хотел он выкупить жизнь свою. Мерзавцу повезло, что мои люди захватили его на дороге и привели ко мне – ворвись я в его дом, ни минуты не размышляя, всадил бы я пулю в его отвратительную

рожу. Но рука моя не поднялась на подлеца, пресмыкающегося у ног моих. Я приказал запереть Спицина в одну из землянок, устроенных нами в лесу для жилья, а сам же занялся подготовкой нападения на Покровское – имение Троекурова.

Вот тут и случилось со мной происшествие, которое я не устаю проклинать теперь... Я забрался в парк, чтобы осмотреть все подходы к барскому дому, и увидел дочь Троекурова, Марью Кирилловну... Не могу объяснить, что со мною стало... Разум мой помутился... Я уже ни о чем не думал, кроме как только о ней. Видеть ее сделалось для меня так же необходимо, как дышать. Мысли о мести отцу красавицы улетучились, дом ее представился мне священным храмом. И я готов был отдать жизнь свою только за то, чтобы иметь возможность находиться рядом с ней. Вскоре узнал я, что в Покровском ожидают приезда гувернера, выписанного из Парижа для малолетнего сына Троекурова, прижитого с француженкой, обучавшей когда-то манерам Марью Кирилловну. Подкараулив француза, я заплатил ему из денег Спицина жалованье за год вперед, уговорил отъехать в свое отечество, забрал его паспорт и рекомендательные письма и явился в Покровское под именем месье Дефоржа.

– И вас никто не узнал?

– Разумеется нет. Родные пенаты я покинул в семь лет, в отпуск никогда не приезжал, так как отец сам навещал меня в Петербурге. Приехав в Кистеневку, ни с Троекуровым, ни с кем-либо из его людей не успел я встретиться до той самой роковой ночи, когда сжег свою родительскую усадьбу. Две недели я провел в одном доме с Марьей Кирилловной. Она увлекалась музыкой, я начал давать ей уроки игры на фортепиано, так как в свое время, убегая скуки офицерских попок, выучился игре на этом новомодном инструменте.

То обстоятельство, что никто, кроме нас двоих, не говорил и не понимал по-французски, способствовало нам. Разбирая фортепианные пиесы, мы имели возможность при всех разговаривать совсем не о музыке. То, что я потерял голову, это понятно. Но вскоре заметил я, что и Марья Кирилловна, увлекаемая сначала только любопытством и необычными обстоятельствами, питает ко мне те же чувства, что и я к ней.

Нужно было объясниться, но я не решился раскрыть себя, так как имя мое уже гремело по всему уезду. Каждый день только и говорили о разбоях и дерзких нападениях Дубровского. Причина была проста. Прикрываясь моим именем, какой-то сообразительный чиновник, некто Кимрин, нашел способ грабить губернскую казну. Входившие с ним в сговор помещики сжигали у себя пустой амбар или старый сарай, объявляли о нападении разбойников. А этот Кимрин, пользуясь своей близостью к губернатору, убеждал его выделять деньги на возмещение убытков несчастным пострадавшим.

– Да, я читал об этом сообщения в «Ведомостях», – подтвердил Александр Нелимов слова Дубровского.

– Однако вскоре неожиданный случай потребовал от меня сделать объяснение, откладываемое мною из нежелания объявлять свое настоящее имя. Однажды, когда Троекуров давал большой званый обед, уж не помню, по какому поводу, со всей округи к нему съехались гости – никто не смел не явиться, чтобы не оказать тем самым неуважения хозяину. И вот незадолго до начала торжества, войдя в залу, увидел я вдруг... Спицина. Как потом я узнал, этот мерзавец, словно крот, прорыл ход из землянки, где он сидел взаперти, и сбежал. Приехав к Троекурову, Спицин не решился сразу рассказать о своих приключениях. При виде меня среди гостей Спицин остолбенел и потерял дар речи. Троекуров в этот момент как раз повествовал о славном подвиге своего француза – то есть меня – убившего медведя, доставившего своему хозяину много веселых минут, а соседям его запомнившегося на всю их жизнь.

– Так, значит, история о том, что Троекуров бросил вас на съедение медведю, не выдумка наших барышень? Но погодите, ведь перед этим он, по их рассказам, обнаружил ваши отношения с дочерью, и именно она потом передала вам нож, которым вы и убили этого медведя...

– Не знаю, что придумали барышни, а дело было так. В подвале дома Троекурова есть особая комната, хитроумно устроенная итальянцем-архитектором в форме неправильного пятиугольника. В специально рассчитанной точке этой комнаты вмурован крюк с цепью, достающей в четыре угла и не достающей всего полсажени до пятого. На цепи сидел огромный медведь. Человека, назначенного для невинной барской шутки, неожиданно вталкивали в эту комнату, и ему приходилось спасаться от зверя, искать пятый, безопасный, угол. Троекуров вместе со своими гостями наблюдал эту потешную картину через особое смотровое окошко.

Когда в свое время Спицин оказался в этой комнате и, наконец, прижался к стене в удаленном углу, какое-то случайное происшествие вдруг отвлекло хозяина дома и о бедняге забыли. Часа два ему пришлось стоять перед разъяренным медведем, пока о нем не вспомнили и не освободили. Событие это отличило его от всех прочих жертв незатейливого барского увеселения и снискало особое расположение Троекурова, любившего потом рассказывать об этом случае всегда подобострастно внимавшим ему слушателям.

Попал в эту комнату и я – Троекуров в своих владениях не делал для иностранцев особого отличия от соотечественников. Увидев медведя, я достал миниатюрный английский пистолет, который имел при себе на крайний случай, и выстрелил зверю в голову. Медведь взревел и тут же умер. Хозяин дома сначала растерялся от сорвавшейся шутки, но потом объявил меня героем и любил живописать о моем подвиге с такой же веселостью, передающейся слушателям, как и о чуть не до смерти перетрусившем Спицине.

Решив, что Спицин онемел от сообщения о гибели славного мишки, Троекуров позвал Марью Кирилловну, чтобы с ее помощью Спицин, не понимавший ни слова по-французски, мог узнать от меня подробности, а сам же вернулся к гостям. Я сделал вид, что жестами и словами объясняю Спицину, как был убит страшный медведь, просил Марью Кирилловну спустя минуту выйти в парк, где я должен сообщить ей нечто касающееся не только наших с нею чувств, но и то, от чего зависит жизнь моя. Улучив момент, я по-русски шепнул Спицину, что английский пистолет находится при мне всегда, и если он вздумает раскрыть меня, то я поступлю с ним точно так же, как и с троекуровским медведем.

Выйдя в парк, я дождался Марью Кирилловну и объяснился в своих чувствах. Она была польщена, как всякая девица, но не знала, что отвечать, ибо видела во мне гувернера Дефоржа, слугу отца своего.

Услышав, что перед ней Дубровский, она упала в обморок. Я привел ее в сознание и начал рассказывать, что я совсем не тот кровожадный разбойник и грабитель, о жестоких подвигах которого говорит весь уезд, а всего лишь жертва действий отца ее, лишившего меня состояния.

Но в это время послышались крики дворовых людей Троекурова, обыскивающих парк, и я понял, что Спицин преодолел страх и, надеясь на защиту хозяина дома, выдал меня. Как потом я узнал, Спицин сделал это сразу же, но Троекуров выставил его глупцом и не поверил, почитая трусом и выдумщиком. Это и дало мне время объясниться с Марьей Кирилловной.

12. Исповедь горячего сердца (продолжение)

«Я ждала вас до последней минуты... Но теперь, говорю вам, теперь поздно».
А. С. Пушкин.

Конечно, я не рискнул оставаться более в Покровском. Обнадеженный клятвой Марьи Кирилловны следовать велению ее сердца, я возвратился в Кистеневский лес. А спустя месяц получил от нее письмо, переданное верной горничной моим людям. Марья Кирилловна писала, что после многих размышлений о том, что произошло, она решила связать свою судьбу с моею, так как обстоятельства изменились.

Случайно имение Троекурова посетил недавно возвратившийся из Англии дряхлеющий князь Верейский. Старик вдруг пленился юной красавицей. Он попросил руки Марьи Кирилловны. Троекуров, польщенный возможностью породниться с князем, дал ему на это согласие. Марья Кирилловна умоляла меня спасти ее от бессердечной воли родителя и объятий престарелого жениха. Единственное условие, которое она требовала от меня, это то, чтобы я не проливал кровь ни отца ее, ни князя. Ей, видимо, представлялось, что я, как легендарный разбойник, всемогущ и обладаю несметными сокровищами.

У меня же после выплаты годового жалованья настоящему гувернеру, французу Дефоржу, и покупки его паспорта почти ничего не осталось от денег, отданных мне Спициным. А два десятка моих дворовых не могли штурмом взять Покровское, где одних псарей несколько сотен.

Но письмо любимой женщины, взывающей о помощи, помutilo мой разум. И я решил напасть на свадебный поезд по пути в церковь и похитить невесту. Венчание намечалось в церкви, находившейся рядом с Арбатовом, имением князя Верейского. Я устроил засаду на дороге – ждать пришлось очень долго и, наконец, вместо вереницы колясок появилась одна только карета князя Верейского.

Увидев внутри кареты Марью Кирилловну, я дал своим людям знак остановить лошадей, бросился к карете и открыл дверцу. Князь Верейский тут же выстрелил в меня из пистолета. Превозмогая боль, я отнял у него оружие и запретил своим людям прикасаться к старику. Однако Марья Кирилловна не стала выходить из кареты. Она сказала, что я опоздал, венчание состоялось в Покровской церкви, она уже жена князя Верейского и не может нарушить священного церковного обряда, хотя и была к нему приневолена. Я попытался напомнить ей о данной клятве, о письме... Но силы оставили меня и я упал с подножки кареты и очнулся уже только в своем лагере.

Рана оказалась как будто не опасной, я быстро поправился – и обстоятельства того требовали, из губернии выслали против нас воинскую команду, а Спицин указал место, где мы скрывались. Если бы я был один, я бы не стал сопротивляться – Сибирь для меня даже желанна. Но бесчестно было оставить своих людей, видевших во мне и барина, и своего предводителя одновременно. Когда начался штурм, я велел стрелять из двух старых отцовских пушек и идти в атаку, а всем, кому удастся вырваться из окружения, спасаться как кто сможет.

Солдат вели два офицера. Одного убило ядром, второго я заколол в схватке. В суматохе моим людям удалось скрыться. Я тоже спасся. Но той же ночью открылась моя рана, я бродил по лесу, преодолевая страшный жар, пока не потерял сознание. В себя я пришел на чердаке флигеля тетюшки барона Дельвига... Рана моя, затянувшаяся без должного лечения, а потом воспалившаяся, едва не унесла меня в мир иной, куда я сам потом подумывал отправиться по собственной воле, с жгучим стыдом вспоминая все, что я сделал за эти полгода.

Более всего проклинал я собственную глупость и безумие, называемое в романах словом «любовь», и ту, которая стала причиной затмения моего рассудка. Обряд, совершаемый бородастым священником под заунывные песнопения, оказался для нее важнее клясть, да и жизни того, кому она их давала. И если уж обряд сей так священен, зачем она ответила «да» на вопрос по обряду этому задаваемый, то есть лгала – ведь не любила же и никогда не полюбит она князя Верейского!

Чувство, с коим Владимир Дубровский почти выкрикнул последние слова, дало повод Александру Нелимову предположить, что тот не совсем освободился от страсти, им же на словах проклинаямой.

– Впрочем, что винить ее, – продолжал Дубровский, – разве не сам виноват я во всем? Кому не известно легкомыслие женщин? Кто не знает, что они – источник всех бед и зол? Отец мой советовал мне обратиться за правдой к императрице. Бедный старик мой принадлежал к тому поколению честных провинциальных дворян, которые верили в святость высшей власти. Я же вырос в Петербурге и служил в гвардии. Имея глаза и уши и способность мыслить, мне никогда бы и в голову не пришло искать правду при дворе. Слишком многое, даже против желания своего, я видел и слышал и был способен понимать.

Отцы наши, воспитанные в другое время, имели счастье жить, веря в манифесты. Мы, их дети, уже не в силах заставить себя искренне верить в то, что распутная женщина, вместе со своим любовником убившая мужа, и безо всякого на то права занявшая его место на троне, – мать отечества. Мы можем пить шампанское, весело гулять с французскими актрисами, маршировать на парадах и даже, наверное, смело идти в бой по приказу своих командиров. Но в бой я и мои товарищи по полку пойдут не потому, что считают себя обязанными исполнить долг перед царем и отечеством, а чтобы не показаться позорным трусом. А если гвардии объявят отправку на юг, то возможно и неповиновение и бунт. Никто из моих прежних товарищей не видит свой долг в том, чтобы сложить голову, потому что очередному любовнику императрицы вздумалось покрыть себя лаврами покорителя оттоманов.

А ведь если бы отец мой был жив и здоров и отправился бы в столицу добиваться справедливости, то он, всю жизнь тянувший армейскую лямку, мог бы пробиться со своей обидой к государыне, только обратясь к Потемкину, который через спальню императрицы пролез в истинные правители государства. Обратил ли бы сей альковный властелин, осыпанный милостями монархини, посреди своих мечтаний о славе внимание на беду престарелого майора?

Не подумайте, Александр, что вину за свои преступления я хочу оправдать развратом и беззакониями высшей власти. Я знаю, что совершил, и готов отвечать за все, что на моей совести, перед Богом и людьми, но не перед самодуром Троекуровым, и не перед теми, кто так устроил, что бездарь и самодур ходит в генерал-аншефах и, помыкая холуйским судом, нагло отнимает у честного дворянина скромное имение его, право на которое имеет он после многих лет безупречной службы на поле боя, где проливал он кровь свою. Похоронив отца и будучи изгнан из родительского дома, решил я прежде отомстить обидчикам, а уж потом думать, как мне жить и что мне делать. Но даже главному врагу своему не успел я воздать должное, ибо не сумел обуздать чувств к дочери этого негодяя. Она же, ничуть не озабочась этими чувствами, с легкостью забыла, ради привычных условностей, о том, кто готов был положить жизнь свою к ее ногам.

И сегодня я не знаю, как распорядюсь собою. Пущу ли себе пулю в лоб, не умея распутать узел, мною завязанный, или действительно отправлюсь грабить с удалой шайкой на дорогах, подобно славным шотландцам Робин Гуду и Роб-Рою, не притесняя бедных и не щадя богачей, в надежде, что какой-нибудь поэт, вроде барона Дельвига, упомянет имя мое в своих балладах, или даже сочинит целый роман о моих приключениях. Да, не обладая предусмотрительностью и дальновидностью, самым неразумным образом погубил я жизнь свою. Вы вызываете во мне симпатию, Александр. Барон восхвалял вас как человека необыкновенных дарований и благо-

родной души. Вы молоды и жизнь у вас впереди. И я искренне радуюсь, видя, как вы не поддаетесь предлагаемым вам соблазнам, помня о цели своей жизни.

13. Цель жизни

*Быть может, это все пустое,
Обман неопытной души!*

А. С. Пушкин.

– Цель жизни моя такова, что она может стать целью жизни любого смелого и решительного человека, думающего о судьбе России. Слова ваши, коими вы охарактеризовали беззаконие, исходящее от тех, кто захватил власть и губит своим произволом государство, говорят мне о том, что цель моя близка вам не менее, чем мне, – сказал Александр Нелимов.

– Каким образом? – удивился Дубровский.

– Если мы видим и понимаем причину беззакония и произвола... И готовы бороться за будущее России... То что может быть благороднее цели восстановить закон и справедливость, которые соответствовали бы обычаям нашего народа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.